

2. Античная философия

2.1. Общие замечания.

Временные рамки. Начало античной философии, очевидно, должно быть связано с переходом от мифа к логосу (см. 1.3) в культуре древней Греции. Такой переход был достаточно долгим и сложным, затянувшись почти на целое столетие; поэтому и граница начала античной философии размыта. Принято считать первыми древнегреческими философами представителей *милетской школы*, в учениях которых появились первые (хотя и весьма скромные) абстракции; это конец VII века до н. э. Тем не менее, известно кое-что и о своеобразных «предшественниках» милетцев – «семи мудрецах» (одним из которых часто называют самого Фалеса): ими называли людей, добившихся значительных результатов в своей деятельности, и тем самым получивших авторитет, позволявший давать советы другим людям. Такого права действительно нужно было добиться, поскольку в древнегреческих полисах (городах-государствах) того времени царил дух крайнего индивидуализма. Итак, для сохранения своего знания «мудрецы» сформулировали (правда, неизвестно, в какой форме) основные правила поведения, основанные на вполне рациональном анализе собственной деятельности, а не мистическом поклонении Богам. Абстракций там, по-видимому, не было, а потому деятельность «мудрецов» к философии не относят.

Окончание античной философии связывают с полным угасанием неоплатонизма и указом императора Юстиниана (529 г.) о запрете еретических учений (и, в частности, нехристианских философских школ). К этому моменту уже достигает расцвета новая, христианская философия – патристика, но она не относится к античности: основным вопросом патристики стало соотношение веры и разума, тогда как античная традиция предполагает безусловное господство разума над слепой верой во что-либо. Именно по отношению к разуму разделяют раннехристианскую философию – патристику – и позднюю античную – неоплатонизм.

Периодизация. Существуют разные подходы к периодизации античной философии, определяющиеся различными целями подобных классификаций. Киселёв зачем-то приводит сразу несколько вариантов, но о них несколько ниже. В данном же случае классификация будет достаточно простой; в традициях основных источников – [1] и [2] – выделим три периода. Первый – *досократический* – включает в себя всех мыслителей, работавших в духе физики, изучения природы без внимания к познающему субъекту – человеку. Сюда относятся и физики V века и школа Демокрита, который, собственно говоря, от физики никуда не ушёл. Второй период начинается с революции в философии, осуществлённой софистами, и заканчивается наиболее значительным учением Античности – концепцией Аристотеля. Для этого этапа характерно большое внимание к поиску сущности всех вещей в человеке (которая, правда, ни к чему хорошему не привела☺), а также создание грандиозных учений, основанных на метафизике как науке об умозрительных основах бытия. Сюда будут также отнесены сократические школы, крепко связанные с концепцией самого Сократа. Наконец, третий период – *эллинистическо-римская философия* – представляет собой время постепенного упадка античной философии: на первое место выходят вопросы этики, а метафизика уходит на задний план. Вместе с ней уходит на задний план и разум, уступая место вере; финалом становится полумистический неоплатонизм, который, однако, уже не в силах ни конкурировать, ни сотрудничать с набирающим силу христианством.

Условия зарождения античной философии. Этот вопрос также принято рассматривать в связи с появлением философии в Древней Греции. Основной (и, вероятно, единственной) причиной является установление на территории Греции весьма своеобразного государственного устройства – *полисной системы*, – способствовавшей активным торговым отношениям. Иногда даже говорят о рыночной экономике древнегреческих полисов, что, однако, абсурдно по причине использования бесплатной рабочей силы – рабов. Тем не менее, мягкий средиземноморский климат и выгодное географическое положение способствовали бурному экономическому развитию полисов. В результате, многие граждане имели большое количество свободного времени (за них трудились рабы), которые можно было тратить на самые разные

вещи: занятия спортом, написание поэм, книг, музыки, изготовление скульптур. Ну а ещё можно было думать об устройстве мира и эти самые мысли записывать (хотя, как наглядно продемонстрировали киники, можно было и не записывать☺). Примерно так и появилась философия. Также обращают внимание на произведения Гомера, которые, безусловно, не являются философскими, но имеют ряд важных стилистических особенностей, характерных для философского текста: логически связное изложение, структурированность образного ряда в соответствии с характеризующими событиями или мыслями.

Особенности позиции Киселёва. Здесь следует просто привести четыре вида периодизации; по comments.

1. По Гегелю:

- 1) От Фалеса до Аристотеля (от Фалеса до Анаксагора; софисты, Сократ и сократики; Платон и Аристотель).
- 2) Греческая философия в Римском мире.
- 3) Неоплатоновская философия.

2. По Фишеру:

- 1) Мировые проблемы (от Фалеса до атомистов).
- 2) Проблемы познания (софисты, Сократ, Платон, Аристотель).
- 3) Проблемы свободы (стоики, эпикурейцы и скептики).
- 4) Религиозные проблемы (неоплатонизм).

3. По Целлеру:

- 1) Досократический период (три древних школы – милетцы, пифагорейцы, элейцы; физика V века – Гераклит, Эмпидокл, атомисты, Анаксагор; софисты).
- 2) Сократики (Сократ, Платон, Аристотель).
- 3) Пост-аристотельский период (стоицизм, эпикуреизм, скептицизм, эклектизм, возрождённый скептицизм, неоплатонизм).

4. По Виндельбаму:

- 1) Греки (периоды: космологический (VII – 450 г. до н. э.), антропологический (450 – 400 гг. до н. э.), систематический (400 – 322 гг. до н. э.)).
- 2) Эллинисты-римляне (эпический (300 – 100 гг. до н. э.), религиозный (100 г. до н. э. – IV век н. э.)).

2.2. Досократические школы.

2.2.1. Милетская школа.

Общие замечания. К милетской школе традиционно относят Фалеса, Анаксимандра и Анаксимена. Название школы происходит от Милета – торгового города, расположенного на западе Малой Азии. Главным вопросом, занимавшим умы этих мыслителей, стала проблема *первоначала* («архе»). Действительно, подходя к проблеме устройства мира, наиболее логичным казалось начать с поиска первоосновы и первопричины, которая была бы сущностью всех вещей. Тогда, узнав всё необходимое о первоначале, можно узнать и о многообразии природы. Подход, конечно, чрезвычайно наивный – необходимо искать первооснову и природы, и человека, причём, как показал последующий опыт, перед нашедшим нечто подобное встаёт проблема вывода множественности из единичного. Однако милетцев всё это волновало мало – существовала природа, которую хотелось описать; и описывали её, поначалу, всё теми же, природными понятиями.

Фалес (640 – 545 до н. э.). Мыслитель, которого часто считают первым европейским философом. Он считал первоначалом воду, впрочем, понимая под этим не конкретную воду в море или реке, а некую аморфную составляющую всех предметов; он мотивировал это тем, что для жизни необходима вода, а всё высушенное, не содержащее воду, – мертво. Итак, ещё одним важным понятием для Фалеса является жизнь, поэтому требуется найти движущую силу мировых процессов, движущую силу жизни. Это «душа», которая тесно переплетена с богами: по словам мыслителя, «бог есть нечто самое древнее, ибо никем не рождён», «всё полно богов». Здесь Фалес имеет в виду то, что все предметы имеют душу (как бы своего Бога), которая заставляет их совершать определённые действия (например, магнит – притягивать железо).

Анаксимандр (610 – 546 до н. э.). Ученик Фалеса, считавший основой всего сущего апейрон. Апейрон, по Аристотелю, – основа всего, «беспредельная бесконечность» (бесконечность как в пространстве, так и во времени). Для Анаксимандра апейрон обладал божественными свойствами, однако он отличался от богов греческой мифологии: мифические боги были рождены, а апейрон вечен – он не был рождён и никогда не погибнет. Причину всех процессов Анаксимандр видел в противоположностях; например, он считал, что в начале всего было холодное и горячее, которые, взаимодействуя, образовали окружающий мир.

Анаксимен (578 – 525 до н. э.). Ученик Анаксимандра; он выбрал в качестве первоначала воздух; причиной всех процессов считал уплотнение и разрежение воздуха. Холодный воздух более плотный, сопротивляющийся, а горячий – более разреженный, расслабленный, подобно тому, как воздух, выходящий через сжатые губы человека, – холодный, а через расслабленные – горячий. При охлаждении воздух превращается в воду и землю, а при нагревании – в огонь.

Итоги. Несмотря на кажущуюся абсурдность, кое-какие позитивные итоги всё же есть – появились самые первые, пусть и весьма наивные абстракции. Философы милетской школы уже отдают себе отчёт в том, что, называя первоначалом воду, они имеют в виду нечто совершенно абстрактное и, возможно, не существующее в действительности. Тем не менее, до приличных абстракций здесь ещё далеко: имена первоначалу подбираются, исходя из глубоко чувственных характеристик – вода даёт жизнь, воздух может уплотняться и разрежаться. Дальше всех, вероятно, пошёл Анаксимандр со своим весьма умозрительным апейроном; тем не менее, он также не смог внятно высказаться о сущности этого первоначала, а только определение, раскрытие содержания позволяет получить полноценную абстракцию – понятие.

Следует также сказать о противоположностях Анаксимандра; подобные концепции встречаются в досократических школах практически «через раз». Тем не менее, их не стоит считать гениальной догадкой древнегреческих мудрецов, опередивших на две с половиной

тысячи лет Гегеля с его диалектикой (см. 4.5.5). Во-первых, это догадки на сугубо наблюдательном, чувственном уровне; основные проблемы возникли при перенесении противоположностей на мироздание в целом. Во-вторых, борьба противоположностей это, конечно, хорошо, но ключевым этапом всё-таки является синтез, снимающий противоречие; синтез кое-где в Древней Греции ещё был, а вот до снятия противоречия никто так и не дошёл.

Особенности позиции Киселёва. При рассмотрении милетской школы упоминается Гераклит со своим огнём в качестве первоначала. Это необходимо для того, чтобы сделать вывод о чувственной природе абстракций милетцев: изменчивые вода, воздух и огонь выбирают в качестве первоначала, а вот четвёртую стихию – «жёсткую» землю – не трогают. Подмечено, конечно, верно, если б не Анаксимандр со своим апейроном, вряд ли подверженным той же чувственной окраске. К тому же, Гераклит всё-таки стоит на ступень выше милетцев – см. 2.2.4.

2.2.2. Школа пифагорейцев.

Особенности школы пифагорейцев. Название школы связано с именем её основателя Пифагора (начало VI в. – 496 до н. э.) – известного древнегреческого мыслителя, который родился на острове Самос, но покинул родину после воцарения тирана Поликарпа и переселился в город Кротон на юге Италии. Именно здесь была основана школа. Кстати говоря, первое употребление слова *философия* (в значении «любовь к мудрости») также связывают с именем Пифагора, назвавшем так одно из направлений деятельности своего союза. Вообще же направлений деятельности было несколько; именно по смене «интересов» выделяют три периода пифагореизма: *ранний* (вторая половина VI века – середина V века до н. э.), *средний* (середина V века – первая четверть IV века до н. э.), *поздний* (вторая четверть IV века до н. э. – середина IV века н. э.).

К раннему периоду относят самого Пифагора и его непосредственных учеников; в это время школа пыталась заниматься не только философией, но и политикой. Соответственно, организация скорее напоминала закрытый союз: по некоторым сведениям, пифагорейцы запрещали разглашать тайны своего учения и не создавали никаких записей. Политическим идеалом самого Пифагора была власть «новой» аристократии – людей, занимавшихся торговлей. Пифагорейцы помогли жителям Кротона отразить нападение врагов и в результате получили определённую власть; неизвестно, как они её собирались использовать, но жители города страшно испугались возможности установления тирании. Они поджигали дома, в которых собирались пифагорейцы; в результате, мыслителям пришлось покинуть Кротон. Так закончился ранний период пифагореизма.

Средний период был ознаменован исключительно философскими изысканиями. Судя по всему, в это время школа становится более открытой: Филолай написал несколько книг, по которым судил об учении Пифагора Аристотель. А вслед за Аристотелем судим и мы, ведь никаких аутентичных письменных источников не сохранилось; поэтому разделить идеи раннего и среднего периодов невозможно. К концу среднего периода пифагорейцы влились в платоновскую академию и продолжали существовать вплоть до конца античности, вновь набрав силу с появлением неоплатонизма (одно время даже рассматривался вопрос о выборе пифагореизма в качестве государственной религии Римской империи). Вершина позднего периода приходится на I век до н. э. и I век н. э. – период эклектики в Древнем Риме (см. 2.4.5); в эту эпоху учение Пифагора приобрело мистические черты, существенно отклонившись от исходных идей и понятий.

Основной организационной особенностью пифагорейской школы является разделение на акузматиков (послушников) и математиков. Первые были начинающими учащимися, поэтому им запрещалось проводить самостоятельные исследования; их обучение было бездоказательным. К математикам относились ученики, которые чему-то уже научились; они были достойны аргументации. Это первый в истории пример разделения образования на ступени.

Учение о числе. Именно такой элемент пифагорейцы считали сущностью всех вещей;

по их мнению, мир представляет собой гармоническую систему чисел и их отношений. Число – это мера, сама сущность и субстанция веществ. Пифагорейцы использовали десятичную систему исчисления, поэтому они выделяли десять «основных» чисел (от 1 до 10), символизирующих множественность окружающего мира.

Единица (монада) – это тождество как непрерывность и положительность. По Евклиду, «единица есть то, через что каждое сущное считается единым». Единица демонстрирует единство, она выше множественности; проще говоря, единица необходима для того, чтобы перед началом исследования какого-либо предмета отделить его от всех остальных, определить. Двойка (диада) есть противоположность, различие, особенность – она обозначает разбиение исследуемого предмета на отдельные части. Числа от трёх до девяти символизируют дальнейшее увеличение множественности, разбиение предмета на более мелкие части. Десять – наиболее совершенное число, поскольку оно содержит в себе черты всех остальных чисел. Если, разбивая предмет на части, мы доходим до десяти, то результат разбиения вновь принимается за единицу, а рассмотрение части продолжается как рассмотрение нового единого, целого.

Пифагорейцы находили подтверждения своему учению о числах в разных областях знания; например, в геометрии единица – это точка; двойка – прямая; тройка – плоскость; четыре – пространство, числа от пяти до девяти – геометрические фигуры, а десять – сфера, являющаяся аналогом точки – единицы. Фигуры выбирались «по-простому», без особых математических соображений: пирамида, куб, октаэдр – чего знали, того и набрали☺. В астрономии, однако, вышел «прокол»: необходимых десяти элементов не нашлось, поэтому пришлось придумать десятую «противоземлю». Естественно, на более сложных объектах – физических, биологических, социальных ничего путного тем более не выходило. Да и велик ли прок от выбора таких базовых элементов: пифагорейцы вряд ли смогли бы вывести из своих десяти математических «чисел» такую фигуру, как антипризма☺.

Физика и этика. Здесь в качестве элементов выбирались четыре основные стихии, которые отождествлялись с геометрическими фигурами; эти фигуры подбирались по достаточно смутным чувственным признакам (например, символ огня – пирамида как самая лёгкая фигура). Несколько интереснее другие аспекты физики: по утверждению пифагорейцев, причиной всех процессов является *борьба противоположностей*: выделяли десять пар; в частности, предел – беспредельное, нечётное – чётное, мужское – женское, квадрат – прямоугольник (последнее особенно забавно☺). Тем не менее, подобное учение не «доросло» даже до диалектики Гераклита (см. 2.2.4) – отсутствует не только снятие противоречия, но и синтез вообще.

Вопрос происхождения мира абсолютно мистичен: космос – сочетание предела и беспредельного; это сфера, возникающая в беспредельной пустоте и вдыхающая в себя эту пустоту, тем самым расширяясь и расчлняясь – так возникают пространство, время, небесные тела, движение. В центре мира находится огонь, вокруг которого вращаются все тела. Красивая сказка...☺ Теперь, вероятно, яснее, почему для пифагореизма «скатывание» в мистику было особенно лёгким; а дальнейший путь был вполне предсказуемым и «типично философским» – обожествление числа.

Ещё одним аспектом учения пифагорейцев является *этика* (точнее, то, что позднее было бы названо этикой): предполагалось существование души, которая вынуждена воплощаться в живые существа из-за первородного греха; при этом после смерти тела душа воплощается в новое тело. Цель жизни – освободить душу от тела путём очищения; под очищением пифагорейцы понимали спокойный, созерцательный образ жизни, направленный на теоретическое (философское) познание мира. Возможно, христианство заимствовало кое-что и у позднего пифагореизма; конечно, вклад стоицизма (см. 2.4.3, Итоги) гораздо значительнее, но и первородный грех появился не просто так☺

Итоги. На первый взгляд, основным достижением кажется первая попытка количественного описания мира, что безусловно прогрессивно с научной точки зрения. Пифагорейцы,

действительно, сделали немало для математики, однако обозначение числом качества не имеет отношения к количественному описанию объекта. Числа в данном случае играют роль символов, обозначающих понятия, – сложение единицы и девятки всё равно не даст сферу, а если над числами нельзя проводить операции, то это, по сути дела, уже и не числа. Итак, никакого количественного описания не было; а было ли качественное? Было; но ничего существенно нового по сравнению с милетцами не появилось. Первоначала были названы числами, были показаны примеры «воплощения» этих чисел в реальные объекты, однако сущность абстракций оставалось нераскрытой, а нет определения – нет и понятия.

Особенности позиции Киселёва. Особое внимание уделяется устройству школы пифагорейцев; по-видимому, для Киселёва это идеал образовательной системы. Итак, школа – формально-организационная форма передачи знаний от учителя к ученику. Тогда милетская школа – никакая не школа, а первая «нормальная» школа – пифагореизм. Знания действительно передавались от учителя к ученику, без изменений; вот только какой в этом прок☺? Особенно же забавно вспомнить это утверждение при словах Киселёва о «мощной связке» Сократ – Платон – Аристотель; их действительно никто не называет школой, но реальный-то эффект для философии получился лишь когда Аристотель покинул Академию. Союз, по Киселёву, – закрытое образование, имеющее свои религиозные и политические цели; поэтому ранний пифагореизм был скорее союзом. С этим можно согласиться, учитывая, однако, что за две с половиной тысячи лет смысл слова «союз» несколько изменился.

Общий же вывод по пифагореизму таков: была сделана попытка количественного описания мира, показавшая полную бесполезность подобной деятельности. Поэтому с тех пор никто количественно ничего в философии не описывал. Но, как уже отмечалось в «Итогах», пример пифагорейцев как раз и показал, что не всякое число обозначает количество.☺

2.2.3. Элейская школа.

Общие замечания. Название школы происходит от города Элея на юге Италии. К Элейской школе относят Ксенофана, Парменида, Зенона Элейского, Мелисса, а также нескольких менее значительных философов. Основным вопросом элейской школы стал, как у милетцев и пифагорейцев, поиск первоначала.

Ксенофан (570 – 480 до н. э.). Происходил из города Колофона; большую часть жизни он странствовал и почти не жил в Элее; тем не менее, этого мыслителя относят к элейской школе из-за близости философской проблематики. Основным положением Ксенофана становится утверждение *единства первоначала*; согласно его высказываниям «абсолютное существо как единое называется Богом», «Вселенная едина во всех вещах», «Бог не имеет ни начала, ни конца». Оценивать подобные суждения крайне трудно, поскольку никаких аргументов Ксенофана история не сохранила; зато известно, что он впервые попытался качественно охарактеризовать первоначало. Так, единое не может быть неограниченным, поскольку беспредельно лишь несуществующее; но единое также не может быть ограниченным, поскольку иначе вокруг него – несуществующее; значит, понятия ограниченности – неограниченности к единому неприменимы. Точно также нельзя сказать, движется единое или покоится.

Ксенофан развенчивает мифических богов, утверждая, что люди создали их по своему образу и подобию также, как сделали бы животные, если могли рисовать и писать. Есть только один Бог – единое. Всякое чувственное наблюдение есть не более, чем мнение, а абсолютная истина недостижима, поскольку познавший абсолютную истину всё равно не будет знать, что это действительно абсолютная истина. По этой причине Ксенофана часто считают основателем *скептицизма*. Однако, с другой стороны, впервые появляется сомнение в истинности чувственного знания, вполне позитивно (то есть без уклона в скептицизм) развитое Парменидом.

Парменид (540 – 480 гг. до н. э.). Родился и жил в Элее. Парменид разделяет два типа знания – мнение (докса – знание, полученное на чувственном уровне) и мышление (эпистеме – знание, полученное умозрительно, с помощью мысли). Он считает, что первоначалом явля-

ется единое; это единое вечно, неделимо (иначе в качестве первоначала нужно выбрать какую-либо его составляющую) и неизменно. Из неизменности первоначала напрямую следует отсутствие движения, поскольку иначе результатом движения станет изменение первоначала. Итак, утверждается единство первоначала, из которого напрямую следует отсутствие движения; как же увязать этот результат с постоянно наблюдаемым наличием в мире движением? Парменид даёт вполне закономерный ответ.

Утверждается, что движение существует лишь на чувственном уровне: при познании с помощью мнения органы чувств человека фиксируют все предметы в изменчивости и множественности, а постижение сущности предметов возможно только с помощью мышления. Объяснение связано с тем, что «нельзя думать и говорить о том, чего нет, поэтому быть и думать – одно и то же»; значит, только мышление может установить истинный порядок вещей. Таким образом, Парменид вводит фундаментальное понятие бытия как всего сущего (того, что не порождено и неуничтожимо); бытие является истинной основой всех вещей и может быть познано только посредством мышления. Кроме этого вводится принцип тождества бытия и мышления: истинное бытие может быть познано только мыслью, при этом всякая мысль направлена на бытие, то есть всё, что мыслимо, существует.

Зенон Элейский (490 – 430 до н. э.). Безусловно, для обоснования столь нестандартного тезиса – всё, что мы ощущаем, может быть ложным – Пармениду требовались подтверждающие примеры; они нашлись быстро – например, палка, лежащая в воде, кажется сломанной; между тем, коснувшись палки рукой, можно убедиться, что она – прямая. Итак, показания разных органов чувств противоречат друг другу. Ученик Парменида Зенон развил систему подобных доказательств, назвав их апориями (затруднениями мысли). Существует две группы апорий Зенона: против множественности и пространства, против движения.

Приведём в качестве примера несколько апорий. Например, Зенон утверждает: если есть множественность, то между любыми двумя предметами существует третий; а между третьим и двумя первыми – ещё предметы, и т. д. Поэтому любой предмет составлен из бесконечного числа частей (которые тоже являются предметами), то есть он либо бесконечен, либо «пуст» (состоит из бесконечного числа очень малых предметов); а это невозможно. В другой апории Зенон замечает, что при падении на пол одного зерна звук не раздаётся, однако при падении килограмма зёрен мы слышим шум; значит, множественность не существует.

Наиболее известна апория об Ахиллесе и черепахе: Зенон утверждает, что, если Ахиллес догоняет черепаху, то за время, пока Ахиллес преодолет половину пути, черепаха немного проползёт вперёд; пока Ахиллес преодолет ещё половину пути, черепаха ещё немного проползёт. И так далее, до бесконечности – в итоге Ахиллес никогда не догонит черепаху, что, безусловно, противоречит чувственному опыту. На основе этих примеров читатель, по мнению Зенона, должен сделать простой вывод: результаты, полученные чувствами, и результаты, полученные разумом, могут не совпадать; однако разные показания разных органов чувств могут противоречить друг другу. Значит, эти показания ложны, а вот всё, что получено разумом, безусловно истинно. Справедливости ради, нужно заметить, что никаких доказательств в пользу истинности разумных умозаключений ни Парменид, ни Зенон не приводят – данный факт полагается самоочевидным. Хотя и не только этот...

Мелисс (флотоходец) (484 г. до н. э. – ?) – ученик Зенона Элейского; он упорядочил и дополнил учение Парменида. По мнению исследователей, именно Мелисс первым в элейской школе чётко определил бытие как единое, неделимое (иначе первоначалом является одна из его частей), бесконечное и неограниченное (иначе бытие ограничено небытием, а небытие не существует). Кроме этого появляется новый тезис «из ничего никогда не может возникнуть нечто», дополняющий высказывание Парменида «небытие не существует». В сочинениях Мелисса понятие бытия окончательно теряет связь с Богом: это чистая абстракция, не обладающая характеристиками Бога, поскольку она лишь символизирует истоки мироздания, но не творит его и не управляет им.

Итоги. Итак, именно в элейской школе понятие первоначала получает определение и становится полноценной абстракцией, то есть собственно понятием – первым понятием в истории философии, которая, наконец, из мифа становится логосом. Бытие – единое первоначало мира; содержание понятия – единство, объём – все существующие в мире объекты. Собственно говоря, такое понятие бытия продержалось в философии недолго: характеристика «единое» постепенно уходит на задний план, будучи заменена единством и неизменностью законов устройства бытия, а это, на самом деле, уже совсем другая песня. Но на данный момент важнее другое: во-первых, именно элеаты подчеркнули и обосновали неизменность первоначала, без которой, действительно, последующим философам делать было нечего (как познавать то, что всё время изменяется?). Во-вторых, впервые в истории произошло разграничение чувственности и разума, которое, впрочем, вызывает немало вполне обоснованных вопросов. Все апории Зенона благополучно находят объяснение в рамках современного (и даже не очень современного☺) естествознания; однако вопрос об Ахиллесе и черепахе казался Древней Греции абсолютно неразрешимым, заставляя верить в остальные построения Парменида.

Тем не менее, опровергнуть все эти построения необычайно просто (чем не преминул воспользоваться Демокрит – см. 2.2.6): мышление и бытие не могут быть тождественны, так как наше сознание спокойно мыслит несуществующие образы – сны, миражи, видения. Можно, конечно, признать все эти объекты реально существующими, но в этом случае связь с наблюдаемым миром полностью теряется (мираж можно увидеть, но нельзя потрогать). А какой тогда толк от всех построений – будь они хоть трижды логически выверены?☺ Любые приложения философии к устройству природы и общественной жизни заранее обречены на неудачу; умозрение остаётся красивой и абсолютно бесполезной теорией. Вероятно, именно по этой причине все последующие античные философы никогда не «отрывались» от чувственности полностью – почти все они сделали что-то либо в математике, либо в физике, либо в риторике и праве. Важнее было другое: пришло понимание отличия философии от других наук – это опора на разум и попытка не слепо верить чувственному знанию, но увязать его с разумом, не отвергая в принципе.

Особенности позиции Киселёва. Парменид и Зенон естественно «поднимаются на щит» для борьбы с чувственным естественнонаучным знанием; уже тогда умные люди поняли, что чувствам доверять нельзя и единственный источник истинного знания – разум; а вы тут фигней всякой занимаетесь...☺ Об этом уже было сказано несколько выше: никто в современной науке не предлагает тупо записывать показания приборов (собирать чувственные знания), вообще не подвергая их обработке разумом. Все уже давно поняли, что эти два этапа необходимы, неразрывно связаны и один без другого бессмысленны; вот только к философии подобное понимание пришло лишь в Новое время – до этого момента все явно увлекались умозрительными построениями. И результат налицо...☺

Второй момент связан с тождеством бытия и мышления, которое Киселёв провозглашает одним из основных принципов современной философии. Однако это положение в истории философии опровергалось примерно столько же раз, сколько подтверждалось. Убеждённость Киселёва основывается на позиции Гегеля, который, на самом деле, данное тождество постулировал. А вообще положение далеко неочевидно и до сих пор многими мыслителями опровергается. Наконец, третий момент – именно в связи с элейской школой в философии появляется логика; здесь возразить нечего: появилось первое понятие – значит, появилась логика. Правда, пока что эта дисциплина никак не оформилась: вплоть до Аристотеля все пользуются логическими законами, считая их очевидными и не требующими не только обоснования, но даже формулировки.

2.2.4. Гераклит.

Огонь как первоначало. Гераклит (540 – 480 до н. э.) родился на острове Эфес, находящемся неподалёку от Милета. Он является автором несохранившегося сочинения «О приро-

де» – книги, очень уважаемой в античное время из-за определённой загадочности и неясности. Самого Гераклита также считали тёмным и загадочным человеком; в частности, именно с ним часто ассоциировали грустные маски в древнегреческом театре. Он критически относился к пифагорейцам, едко заметив (в адрес Пифагора), что «многознание уму не научает».

Гераклит выбирает в качестве первоначала огонь: «Этот космос – один и тот же для всего сущего, его не создал никто из Богов и никто из людей. Он всегда был, есть и будет вечно живым огнём, мерно воспламеняющимся и мерно угасающим»; «Всё обменивается на огонь и огонь обменивается на всё подобно тому, как любой товар – на золото, а золото – на любой товар». Естественно, огонь – не более чем образ, символизирующий изменчивость; именно Гераклиту принадлежат высказывания «всё течёт, всё изменяется», «в одну и ту же реку нельзя войти дважды». Но это, пока что, не более чем повторение милетской школы (см. 2.2.1): огонь, символизирующий изменчивость, ничуть не лучше, чем вода, символизирующая жизнь. Действительно, в этом вопросе Гераклит как бы «отстаёт от жизни»: элеаты уже сформулировали абстрактное понятие бытия, а он всё ещё «играет» с чувственными образами. Но здесь всё не так просто: в конце концов, все милетцы подразумевали единство первоначала, но не считали это единство какой-то ключевой характеристикой; элеаты утвердили единство первоначала и пришли к тому, что верить чувствам не следует. Ну и что дальше? По замыслу (см. 2.2.1, Общие замечания), теперь нужно выводить из единства вывести множественность; но как вывести множественность из чего-то, обладающего всего одной характеристикой, – единством. Здесь-то и пришлось вспомнить о чувственных знаниях.

Война и логос. Гераклит утверждает, что причиной всех изменений является война – образ, символизирующий *борьбу противоположностей*. Для огня эти противоположности – разгорание (путь вверх) и угасание (путь вниз). Между тем, как пути вверх и вниз – по сути одна и та же дорога, так разгорание и угасание огня – суть одно и то же. У Гераклита (в отличие от Пифагора) противоположности едины, а причина всех наблюдаемых явлений – *борьба единых противоположностей*.

Но это ещё не всё: существует логос – закон, определяющий ход событий; «логос – это как закон города», он определяет количество огня, необходимое для возникновения того или иного предмета. Душа – огонь; отыскать границы души невозможно, поскольку глубина её – сам логос. Итак, происходит значительный шаг вперёд по сравнению с элеатами: единство первоначала не просто постулируется, но выражается термином логоса – всеобщего постоянного и неизменного закона бытия. Отсюда уже недалеко до понимания различной роли огня как материала и логоса как упорядочивающей формы; но для создания такого несложного механизма потребуется ещё почти двести лет.

Итоги. Гераклит, на самом деле, сделал для философии очень и очень много; именно понятием логоса как закона бытия будут заниматься последующие философы. И здесь именно у Гераклита встречается ряд гениальных догадок: огонь и логос как две необходимые составляющие предмета, которые, правда, пока остаются едиными. Душа как огонь и логос, то есть закон бытия, находится в человеке – базовое положение учения Протагора (см. 2.3.1). Наконец, учение о борьбе противоположностей считают основой объективной диалектики, то есть науки о причине и механизмах развития. Тем не менее, нужно ещё раз отметить важную особенность диалектики Гераклита: синтез противоположностей не снимает противоречия, не останавливает борьбу противоположностей, а потому не является полноценным развитием; однако об этой части учения мыслителя вспомнили очень не скоро – почти через две с половиной тысячи лет.

Особенности позиции Киселёва. По мнению Киселёва Гераклит, конечно, меркнет на фоне великих элеатов; хотя, честно говоря, Гераклит-то был как раз значительно ближе к действительности, а многие его догадки оказались пророческими. Тем не менее, в «вину» философу вменяется то, что он не раскрыл механизм развития детально и не показал, как все вещи происходят из огня. Хотя, вообще-то, первого в Античности не сделал вообще никто, а второе просто абсурдно, если огонь – не более чем метафора. Далее утверждается, что Ге-

раклит проигнорировал достижения элеатов; а что же такое логос, если не единый и неизменный закон бытия элеатов? Наконец, завершается всё тем, что историческим продолжением концепции Гераклита стало учение Кратила о всеобщей изменчивости. Кратил свёл один из тезисов Гераклита к утверждению «в одну и ту же реку вообще нельзя войти», что логично привело к скептицизму: если всё постоянно изменяется, то ничто непознаваемо. Это действительно скептицизм; вот только были и другие способы продолжения учения Гераклита; но ими, к сожалению, никто тогда не воспользовался.

2.2.5. Эмпидокл и Анаксагор.

Эмпидокл (490 – 430 до н. э.) – ученик Парменида, но его обычно не относят к элейской школе по причине существенной разницы во взглядах. Тем не менее, кое-что Эмпидокл заимствовал у учителя: например, расхожую фразу «бытие есть, а небытия нет». При этом, однако, в качестве первоначала были выбраны четыре элемента, образно представленные природными стихиями: огонь, вода, воздух и земля. Эти четыре элемента не взаимодействуют друг с другом и «равноудалены» друг от друга, будучи расположены на поверхности некоторой таинственной Сферы. Так своеобразно выражается единство первоначала, хотя это, вообще говоря, уже никакое не единство.☺ Однако сходства во взглядах продолжают утверждением о том, что рождение и смерть невозможны, поскольку небытие не существует; возникновение и уничтожение вещей – это лишь соединение и распад четырёх элементов.

Движущей силой, заставляющей первоначала объединяться в предметы, Эмпидокл считал противоборство Любви и Вражды. По его мнению, Космос появился в два этапа: сначала произошёл переход от господства любви к господству раздора, а затем – от несогласия (раздора) к гармонии и власти Любви. Сфера образована Любовью и Враждой, при этом Эмпидокл обожествил «всё скопом»: и четыре первоначала, и Любовь с Враждой, и саму Сферу.

Итак, философ пытается «увязать» идеи Парменида с чувственно наблюдаемыми изменениями; для того времени идея действительно оригинальна и, собственно говоря, вполне оправданна. Ведь никто не сказал, что первоначало должно быть единым, то есть единственным; элеаты этот факт постулировали. Особых сомнений ни у кого не возникало – ведь кажется вполне логичным, что первоначало, то есть исток всего, одно. Но почему бы не сделать его множественным, сохранив неизменность элементов? Однако здесь Эмпидокл опирается на чувственное знание о многообразии предметов; остаётся лишь защитить такое знание от критики элеатов, но именно с этим у мыслителя возникают проблемы. Механизм восприятия связан с тем, что от вещей исходят некие испарения (флюиды), взаимодействующие со сходными составляющими органов чувств человека (огонь с огнём, вода с водой). Зрение устроено несколько иначе: глаз испускает потоки флюидов, которые, отражаясь от предмета, вновь собираются глазом. Мышление находится в сердце, а мысли переносятся кровью. Душа – гармоническое устройство человеческого тела. Получается, что мышление руководит чувствами, направляя их на верный путь; всё замечательно и лишь одно неясно – почему же Ахиллес всё-таки не может догнать черепаху?

Анаксагор (500 – 428 до н. э.). Философ родился в Клазоленах (городе на востоке Малой Азии), но переселился в Афины. Именно с Анаксагора центром развития философии становятся Афины – центральный город Греции, – а не периферийные области страны. Мыслитель выбирал в качестве первоначала семена, которые качественно бесконечны, то есть содержат в себе бесконечное число качеств. Семена едины, а, значит, – однородны, поэтому любое семя можно разделить на сколь угодно большое число частей, не утратив всех присутствующих в нём качеств и не доходя до предела (небытие не существует). Такие семена Аристотель называл «подобно частными» («гомеомериями»). Все качества, содержащиеся в семени, равноправны; вещи состоят из очень большого числа семян, причём качества вещи зависят от преобладания в семенах, образующих вещь, тех или иных качеств. Когда вещь перестаёт существовать, она вновь распадается на семена, в которых все качества опять равноправны. Картина получается привлекательная, но уж очень туманная: что это за семена; почему каче-

ства в одних случаях равноправны, а в других – нет; если семян много, то каждое должно быть конечным. А что тогда находится между семенами, если небытие не существует? Или все семена имеют правильную форму, целиком заполняя пространство? Но это строго детерминирует одно из качеств семян – форму, – и получить из них предмет другой формы становится невозможным.

На все эти вопросы Анаксагор не отвечает; зато он создаёт учение об образовании из семян предметов: причина соединения и распада семян – нус (*Ум*), управляющий миром. Ум неограничен, независим и не содержит качеств ни одной из вещей (иначе он не сможет управлять всеми вещами); Ум не является объектом обычной природы. Он запускает любое движение, но не участвует в его ходе. Правда, по замечанию Аристотеля, последнее положение соблюдалось не всегда: Анаксагор использовал Нус везде, где процессу не находилось разумного объяснения. Рациональность в цвете и красе...☺ Но если это замечание проигнорировать, получится, что философ своеобразно объединил логос Гераклита и множественность первоначала Эмпидокла. Правда, особого смысла это построение не имеет: всё ограничивается постулированием существования семян и существования Ума – закона образования и разрушения вещей. Нет ни доказательств, ни результатов. И, опять же, остаются Ахиллес с черепахой...

Итоги. Оба учения отражают точку зрения, противоположную позиции элеатов (замечания о неизменности первоначала не должны смущать – такие утверждения делали все, потому что иначе сам процесс изучения мира становится бессмысленным), но выглядят значительно слабее. Положение о единстве (множественности) первоначала постулируется, однако элеаты строят на его основе вполне стройную систему умозрительного знания, тогда как Эмпидокл и Анаксагор попросту фантазируют. Можно взять четыре стихии, можно добавить к ним эфир, можно заменить всё это загадочными семенами – результат нулевой, так как требуются какие-то новые посылки: либо диалектика Гераклита, либо что-то ещё.

Особенности позиции Киселёва. Взгляд Киселёва несколько иной: он также отрицательно оценивает деятельность Эмпидокла и Анаксагора, однако делает отсюда другие выводы. Нужно что-то новое, но, по его мнению, это критерий истинности философских концепций; однако такой критерий не найден и по сей день, причём античные философы его как раз не искали. Встал другой вопрос: если, изучая природу саму по себе, мы явно блуждаем по кругу, не хватает какого-то ещё знания, то не стоит ли расширить сферу исследований. Естественный объект исследования – человек и его мышление; это сразу решает основной вопрос – насколько можно доверять нашим органам чувств; ведь, исследуя мышление, мы автоматически изучаем своё восприятие. Подобный путь также был реализован, но это предмет следующей главы. А пока что пример того, как можно было благополучно получить новые результаты, оставаясь в рамках физики.

2.2.6. Демокрит.

Общие замечания. Демокрит (460 – 370 до н. э.) является одним из первых представителей античной атомистической школы; иногда его даже считают родоначальником этой школы. Ряд источников, однако, рассказывает о загадочном учителе Демокрита Левкиппе. По противоречивым данным Левкипп родился в Милете, а затем много странствовал, посетив Элею (где встречался с Зеноном – см. 2.2.3), и, в конце концов, обосновался в городе Абдеры. Сам Демокрит был урождённым абдерцем; его называли «смеющимся философом» (в противоположность «плачущему» Гераклиту – см. 2.2.4, Огонь как первоначало), поскольку он «несерьёзно воспринимал то, что делалось всерьёз». Работы Левкиппа известны лишь в пересказах Демокрита, поэтому, по мнению некоторых исследователей, они были выдуманы последним для «усиления» позиций собственной концепции.

Атомистическая концепция. Демокрит выбрал в качестве первоначал *атомы* и *пустоту*. Атом – единая, неделимая часть всего сущего (все атомы одинаковы качественно); пустота – ничто. Все тела состоят из атомов, а между атомами – пустота. Атомы различаются

лишь формой и размерами; качества вещей определяются тем, из каких атомов (и в каком порядке) эти вещи составлены. Пустота, по Демокриту, это пространство между атомами, в нём нет ничего и оно не может создать нечто; при этом, однако, философ не использует термин «небытие». Тем не менее, большинство комментаторов (начиная с Аристотеля) трактовали пустоту именно как небытие; это, по-видимому, соответствовало и замыслу Демокрита – он просто не захотел (а, возможно, и побоялся) опровергнуть сразу все тезисы элеатов: единство первоначала и отсутствие небытия. Второе положение было значительно сильнее первого, поскольку, если бытие – всё сущее, то небытие существовать не может. Решение этого вопроса достаточно просто – признать пустоту бытием, поскольку всякая вещь существует лишь потому, что атомы ограничены пустотой. Это вполне логично, но было, вероятно, чересчур радикально для V века до н. э..

Считая мир состоящим из атомов и пустоты, Демокрит решает сразу несколько проблем: это противоречия Анаксагора, связанные с существованием чего-то между семенами и, что гораздо более важно, апоории Зенона. Множественность возможна, поскольку ни один предмет нельзя разбивать на бесконечно малые части – атомы неделимы. Схожим образом решается вопрос существования движения: оно как бы «квантуется» – разделяется на очень малые промежутки, такие, что совершить меньшее перемещение невозможно. Атомов бесконечно много, поскольку их число «не более такое, чем иное». Это же рассуждение применимо к многообразию форм и размеров атомов. Пустота также бесконечна, поскольку бесконечное число атомов не может размещаться в конечном пространстве. Здесь философ активно ссылается на чувственные данные, что, на самом деле, вполне законно – ведь чувства теперь оправданы; правда, доказательство бесконечности числа атомов остаётся умозрительным и, честно говоря, весьма странным...

Физика. Атомы находятся в постоянном движении, подчиняясь закону притяжения подобного (для подтверждения этого утверждения Демокрит приводил примеры из природного мира). Движение атомов приводит к появлению вихрей, а вихри образуют миры. Миров (как и атомов) бесконечно много – они появляются, существуют и вновь распадаются на разупорядоченные атомы. Этот процесс бесконечен, не имеет ни начала, ни конца также, как сами атомы не были рождены и никогда не исчезнут.

Демокрит считает, что все события жёстко predetermined: происходящее необходимо, а, значит, оно должно иметь причину. отождествляя причину и необходимость, Демокрит приходит к фатализму – полному отсутствию случайности. Между тем, философ достаточно трезво оценивает понятия необходимости и причинности, прекрасно понимая их различия. Просто, по не совсем ясным причинам, Демокрит убеждён: если какое-то событие произошло в результате пересечения двух причинно-обусловленных рядов событий, то оно также необходимо. А это, вообще говоря, единственное различие причинности и необходимости – по крайней мере, в простом античном понимании данных понятий. Однако, по утверждению мыслителя, искать причину возникновения мира бесполезно – она «лежит на бесконечности» и не может быть достигнута. В этой же связи известен следующий забавный пример: если на голову человека упала черепаха, то все считают это случайностью, однако Демокрит утверждает, что причиной падения стало желание орла разбить черепахе панцирь, бросив её на камень (блестящую на солнце лысину орёл принял за гладкий камень). Особенно забавно звучит, если сказать, что этот человек был философом. 😊

Учение о познании. Душа – движущее начало, орган ощущения и мышления; она и сама всё время находится в движении, а потому состоит из очень гладких атомов сферической формы. Жизнь связана именно с наличием атомов души – они входят в организм и выходят из него при дыхании; смерть вызывается остановкой дыхания – в этом случае атомы души выходят из организма, а новые туда уже не попадают, жизнь прекращается.

Говоря о познании, Демокрит различает чувственный и рациональный пути. По его мнению, все ощущения – результат контакта атомов с органами чувств человека (например, все вещи испускают атомы, которые попадают в нос и вызывают ощущение запаха). Зри-

тельное восприятие обусловлено тем, что от вещей отделяются тонкие оболочки атомов (образы), попадающие в глаза и создающие изображение предмета. Рациональное познание связано с душой и принципиально отличается от чувственного: только оно способно постичь атомы. Этот способ изучения предметов должен быть основным, тогда как чувственность лишь подтверждает результаты работы мысли.

Демокрит различает *первичные* и *вторичные качества* предметов: первые обусловлены видом и порядком расположения атомов (это, например, форма), а вторичные – как атомами, так и органами чувств человека (вкус, цвет, запах). Первичные качества абсолютно объективны, поскольку разум не может влиять на атомы – ведь они появились раньше разума (а точнее – существовали всегда). Подобная концепция была развита в Новое время Локком (см. 4.2.3), который завершил её, заменив метафизический (и достаточно туманный) аргумент о свойствах, обусловленных атомами, сенсуалистической характеристикой первичных качеств, как тех, что одновременно фиксируются разными органами чувств.

Этика. Демокрит рассматривает историю развития человечества, замечая, что, впервые появившись из неких пузырей на поверхности земли, люди, поначалу наивные и неумелые, постепенно обучались жизни в природе. Так появлялись искусства и ремёсла, которые, по этому, происходят от природы. Но позднее люди столкнулись с необходимостью жить в обществе; поэтому возникли государство и законы, которые, соответственно, происходят от человека и не связаны жёсткой необходимостью, господствующей в мире природы.

Именно по этой причине этика вообще возможна – ведь иначе человек не имеет возможности выбора, определения своего поведения. Далее Демокрит характеризует некоторые принципы поведения, которые, впрочем, не укладываются в единую систему и никак специально не обоснованы. Итак, государство и законы созданы человеком, поэтому он вправе их менять. Кроме этого, нужно выбирать то, что сродни человеческому духу, а из удовольствия и страдания человеческому духу ближе удовольствие. Однако ценно не само удовольствие, но *блаженное состояние духа* («состояние, при котором душа пребывает в спокойствии и равновесии, не смущаемая ни страхом, ни суеверием, ни иной страстью»). Путь к этому состоянию – *удовольствие, ограничиваемое чувством меры*. Вообще говоря, принцип умеренного удовольствия – один из самых распространённых в античности; вот только никто так и не смог толком разъяснить (а тем более обосновать) эту меру. Другие этические принципы Демокрита столь же оригинальны: «не из страха, но из чувства долга надо воздерживаться от дурных поступков»; «у каждого человека должен быть друг».

Итоги. Атомистическая концепция Демокрита – последнее достижение античной физики. Несмотря на то, что философ находится как бы в «отрыве» от основного для V века направления – поиска сущности вещей в человеке – и лишь продолжает старое, результаты оказываются достаточно серьёзными. Именно Демокрит показывает, что утверждения элеатов, вообще говоря, совершенно неочевидны и вряд ли могут быть признаны истинными; к тому же самому приходят Платон с Аристотелем – никакого единства первоначала нет, поскольку оно не способно объяснить множественность вещей. Зато есть разнообразие форм и материя, оформляющаяся под воздействием идеи; иначе говоря, атомы оформляются пустотой. Причём если у Платона каждой вещи соответствовала одна идея, то для Аристотеля вещи могут соответствовать несколько форм (дом – оформленные кирпичи, которые, в свою очередь, – оформленная глина); в точности как у Демокрита предмет формируется из множества атомов. Тем не менее, все издержки узкого физического подхода остаются при Демокрите – например, странные доказательства бесконечности числа атомов (не познаваемых чувственно), исходя из вполне чувственного понимания, бесконечности (тогда как вполне конечный по размерам отрезок вполне может быть умозрительно представлен как бесконечное число точек). Этика вообще бездоказательна, поскольку судить о поведении человека без исследования его сущности вряд ли возможно.

Особенности позиции Киселёва. Демокрит со своей физикой рассматривается как страшный ретроград на фоне «прогрессивного» Платона; однако требуется и какое-то более

явное доказательство ущербности и бессмысленности атомистической концепции. На помощь приходит пример с кошкой: если мысленно разбить кошку на атомы, а затем вновь собрать, живая кошка уже не получится. Получается весьма оригинальное умозрительное доказательство: разбиваем мы мысленно, а жизнеспособность того, что получилось, как определяем? Наверное, всё-таки чувственно, потому что механизм жизни во времена Демокрита был неизвестен и мыслить в данном случае решительно нечего. Ограниченность атомизма была связана с несколько другим: сознание тоже можно мыслить состоящим из атомов (что и сделали в конце концов Рассел с Витгенштейном – см. 5.3.4); просто философия языка вряд ли могла существовать в середине V века до н. э. – по вполне объективным историческим причинам.

2.3. Зрелая античная философия.

2.3.1. Софистика.

Исторические условия. Со времён появления греческих полисов их основным врагом были персы, однако объединение усилий полисов привело в середине V века до н. э. к полной победе Греции. В результате, на некоторое время страна лишилась равных по силам внешних врагов; кроме этого, в связи с потребностями войны активно развивались ремёсла и науки. В результате, ко второй половине V века возник определённый избыток средств, позволивший многим людям участвовать в общественной жизни. Между тем, сохранение демократического устройства позволяло любому гражданину влиять на политику полиса – для этого требовалось лишь умение говорить и убеждать. А темы для разговоров, безусловно, были: стоял вопрос о необходимости сохранения полисной системы Греции; во-первых, только объединение усилий полисов помогло победить персов; во-вторых, рабовладельческая система экономически значительно эффективнее в крупных государствах, нежели в отдельных городах.

Общие замечания. Для совершенствования ораторского искусства существовали специальные школы риторики, но одного лишь красноречия в тех условиях было мало; требовалось умение грамотно построить свои рассуждения, а также найти ошибки в построениях оппонента. Это искусство могла развить только такая наука, как логика, но, как мы видели у элеатов (см. 2.2.3), её пока нет; определённые правила рассуждения до сих пор просто подражались. Софисты были первыми, кто стал учить не просто риторике, но также умению рассуждать; по этой причине их часто называют *платными учителями мудрости*. Собственно говоря, философией софисты занимались только в связи со своим основным занятием; для ведения спора им требовались определённые основы, на которые можно было бы опираться в своих рассуждениях. Кроме этого, большие вопросы вызывает сам платный характер их деятельности; хотя образование почти всегда было платным, альтруистический подход нередко распространялся и на само «занятие мудростью» – философствование.

Обычно всех софистов разделяют на три группы: 1) *крупные мастера* (те, кто занимался самостоятельными философскими исследованиями); 2) *«эристы»* (спорщики) (те, кого больше интересовал сам процесс спора); 3) *«софисты-политики»* (те, кто использовал своё умение рассуждать и спорить для достижения политических целей). Поначалу, в середине V века, преобладала первая группа софистов, но к концу века стали явно доминировать вторая и третья группы; так софистика отошла от философии, превратившись в способ решения личных задач, а не поиска истины и изучения мира. Однако для достижения личных целей использовался самый простой метод: вместо поиска собственной истины – опровержение истины другого; постепенно софисты углубились в создание парадоксов, так называемых софизмов, опровергавших всё и вся; в конечном счёте, софистика превратилась в скептицизм. Причина этого проста: софисты использовали логику, не выяснив толком, чем же они пользуются. Естественно, быстро обнаружились парадоксы, но альтруистический характер деятельности софистов просто не позволил им проникнуть в суть проблемы. Это веком позже сумел сделать лишь Аристотель (см. 2.3.6).

Тем не менее, многие софистические учения внесли большой вклад в греческую культуру и философию; основной особенностью софистики стала «смена ориентиров»: теперь ведутся исследования человека, а не природы. Соответственно, возникает этическая проблематика. Но этика софистов, естественно, крайне примитивна (почти никакого знания о человеке ещё нет); зато выдвигается важнейший принцип «сущность всех вещей находится в человеке», который стал основным для почти всей последующей философии. Помимо этого, софисты внесли свой вклад в развитие греческого образования: они считали, что добродетель основывается только на знании и не зависит от рождения или крови. Соответственно, они готовы были учить кого угодно; были бы деньги. Так происходит своеобразное соединение

философии с жизнью: размышления впервые в истории оказываются не простыми абстракциями, но необходимым элементом сугубо практического искусства риторики.

Философия Протагора. Протагор (480 – 410 до н. э.) – ученик Демокрита и один из первых софистов; именно он первым выдвигает принцип: «Человек – мера всех вещей; тех, которые существуют, что они существуют, а тех, которые не существуют, что они не существуют»; под мерой в данном случае понимается критерий существования и основных признаков вещи. Таким образом, мыслитель утверждает, что содержание всех вещей это содержание наших мыслей об этих вещах. Между тем, мышление каждого человека сугубо индивидуально; если признать, что мера всех вещей – мышление конкретного человека, то всякое знание окажется полностью субъективным. Очевидно, что мера всех вещей – коллективное сознание, то есть врождённые всем людям формы мышления.

Протагор не делает однозначного выбора, считая, что, в зависимости от исследуемого объекта, его мерой может быть как индивидуальное, так и коллективное мышление. Но большинство софистов делает однозначный выбор в пользу субъективизма; такой подход кажется абсурдным, и он действительно абсурден с позиции человека, стремящегося к объективному знанию. Однако в случае софистов выбор очевиден: субъективизм делает возможным опровержение всякого суждения, приводя к обязательной победе в споре. А умение наверняка достичь стопроцентного успеха и оплачивается дороже. Наконец, следует заметить, что подход софистов в итоге оказался скептическим, а это существенно отличает его от ряда течений современной философии, признававших возможность опровержения всякого знания. Утверждая невозможность объективного знания, софисты предлагали отказаться от его поиска; прагматики (см. 5.5) или постпозитивисты (см. 5.3.6) в той же ситуации предлагали продолжать поиски, стремясь приблизиться к истине.

Однако Протагор занимает промежуточную позицию и, полагая противоречие невозможным, утверждает, что «Всё истинно». В подтверждение они приводят пример – софизм «Еватл»: ученик Протагора Еватл заключил с ним договор о том, что будет передавать учителю часть гонорара за каждый выигранный судебный процесс. Тем не менее, Еватл, закончив обучение, не торопится идти в суд. Тогда Протагор решает сам подать в суд для взыскания с Еватла денег, замечая, что в случае своего выигрыша, он получит деньги, присуждённые судом, а в случае выигрыша ученика, всё равно получит деньги, как часть гонорара за выигранный процесс. Еватл же замечает, что в случае победы он, как победивший, не должен ничего платить, а в случае поражения он тоже не должен ничего платить, ведь в договоре шла речь о выигранных делах. Оба правы; возникает явное логическое противоречие, связанное с тем, что Протагор подходит к вопросу с коллективной точки зрения исполнения законов, а Еватл – с собственной позиции того, что выигравший на суде не платит ничего. Вполне ясно, что прав Протагор, а позиция Еватла – не более, чем его личная позиция, противоречащая имеющимся законом; но для самого Протагора это совершенно неочевидно.

В результате софист делает следующий вывод: о любой вещи существуют два противоречивых и одинаково доказуемых аргумента, поэтому нужно не искать истину, но учить вести спор доводов в пользу одного из аргументов. В вопросах этики Протагор исходит из тех же соображений: всё относительно, но что-то полезнее; задача мудреца – выделить полезное, убедить в этом других и тем самым актуализировать это полезное. Тем не менее, Протагор не уточняет критериев выбора полезности; здесь, по-видимому, мудрец должен опираться на собственный опыт.

Философия Горгия. Горгий (483 – 375 до н. э.) обращает тезис Протагора «Всё истинно»; действительно, если по любому вопросу существуют два противоречивых суждения, то оба они либо истинны, либо ложны. Так мыслитель приходит к агностицизму – непознаваемости мира. В работе «О не сущем» он приводит три суждения против бытия: *бытие не существует* (поскольку оно и не единое, и не многое; и покоится, и движется); даже если *бытие существует, оно непознаваемо* (бытие и мышление не тождественны, ведь можно мыслить такие несуществующие объекты как блики на воде); даже если *бытие было бы позна-*

ваемо, оно невыразимо (ведь слово – продукт человеческой деятельности – не может передать то, что не является словом). Слово не является бытием, поскольку оно было создано человеком (иначе не возникло бы ситуаций, при которых одно слово обозначает несколько предметов или несколько слов обозначают один и тот же предмет). А раз слово не является бытием, то оно не может передать истинного знания о предмете, поэтому истинное знание о предмете вообще не существует (если оно и есть, то никто не сможет его выразить, передать другим).

Итак, истина не существует, поэтому в этических вопросах можно лишь пользоваться некоторыми положениями, которые кажутся верными. Горгий формулирует такие положения, а также утверждает, что слово предназначено именно для того, чтобы внушать людям какие-либо (возможно, неверные) мысли. Он первым из софистов активно занимается развитием искусства риторики.

Итоги. Почти все итоги уже были сформулированы в «Общих замечаниях»; кратко повторяя их, нужно сказать, что именно софисты перенесли основной объект философских исследований с природы на человека, но, за счёт специфики своей деятельности, быстро пришли к скептицизму и агностицизму. Это, впрочем, не позволяет не считать софистов философами. Ведь скептицизм – тоже философское течение; столь же противоречивое, как и все остальные. 😊

Особенности позиции Киселёва. Киселёв считает положение «Человек – мера всех вещей» настолько важным, что софистам не слишком сильно достаётся за скептицизм и агностицизм. Хотя, конечно, ещё раз разъясняется, чем так плох скептицизм: отрицая само существование философии, он отрицает и себя как одно из философских течений. Но, вообще говоря, в этом нет большого криминала; все философские учения содержат те или иные противоречия, то есть иррациональные моменты, отрицающие рациональность философии.

2.3.2. Сократ.

Биография. Сократ (470 – 399 до н. э.) родился в Афинах, где и прожил всю жизнь; принципиально не писал книг, распространяя своё учение исключительно устно – обычно, в форме диалога. Имел немало учеников, но не создал собственного образовательного учреждения; по этой причине обычно не говорят о школе Сократа, а выделяют ряд *сократических школ*, образованных учениками Сократа (см. 2.3.3, 2.3.4), которые, вообще говоря, сильно видоизменили концепцию учителя. Мы узнаём об учении Сократа из двух источников: свидетельств учеников и современников или диалогов Платона. В обоих случаях имеются определённые проблемы: ученики «адаптировали» учение Сократа под собственные воззрения, а Сократ, фигурирующий в платоновских диалогах, – это скорее литературный персонаж, нежели самостоятельный философ. Платон использует Сократа для выражения собственных мыслей, поэтому часть идей Платона часто приписывают Сократу. Тем не менее, можно достаточно надёжно выделить две новации в философии, которые связаны именно с Сократом: это, во-первых, новый метод познания, и, во-вторых, – первое полноценное этическое учение.

Жизнь Сократа закончилась трагически: суд Афин обвинил его в богохульстве и растлении молодёжи; на судебном процессе философу не удалось доказать свою правоту, и он был приговорён к смерти. В ночь перед казнью ученики Сократа подготовили побег, но мыслитель предпочёл чашу с цикутой нарушению законов полиса. Позднее смерть Сократа вызвала много кривотолков, а многие философы интерпретировали её самым причудливым образом (например, Ницше – см. 5.2.3).

Метод познания. Сократ выделял два основных этапа своего метода: *иронию* и *маевтику*; оба являются частями знаменитого сократовского диалога – именно в этой форме философ пытался достичь и выразить истинное знание. В процессе иронии мыслитель спрашивал собеседника о содержании какого-либо понятия (например, что такое прекрасное?). Собеседник даёт некий ответ; например, прекрасное – это то, что хорошо подходит для любого

случая. Тогда Сократ приводит пример, не «укладывающийся» в это определение: например, хороший щит прекрасен для защиты, но бесполезен для метания, для метания же прекрасно копье, бесполезное для защиты от близкого врага. Собеседник совершенствует своё определение, а Сократ приводит новый опровергающий пример, то есть использует методы софистов, стремясь так или иначе опровергнуть собеседника. Но, наконец, возникает совершенно резонный вопрос: «А как же правильно?»; в ответ Сократ не высказывает (как софисты) собственную точку зрения, но говорит лишь одно: «Я знаю, что я ничего не знаю, а другие и этого не знают».

Философ сравнивает своё искусство с акушерством: он не создаёт ничего сам, но лишь помогает собеседнику «родить» мысль (маевтика, по-гречески, – повивальное искусство); не сообщает истины, но помогает другим совершенствовать свои знания, приближаясь к истине. Такой подход похож на индуктивный (предполагающий переход от частного к общему), однако философ не даёт теоретического содержания понятия индукции; более того, определение у него возникает не как обобщение частных случаев, но в результате корректировки некоего исходного определения под частные случаи. Короче говоря, это совсем не индукция, а весьма специфический метод, получивший название сократического.

Этика. Основой этики Сократа является принцип разумности, то есть положение: поведение должно быть разумно. Но философ даёт и несколько более подробную картину, раскрывающую ряд деталей: сущность человека – душа, понимаемая как разум и нравственно ориентированное поведение; тело – лишь инструмент, подчинённый душе. Добродетель – то, что делает душу благой и совершенной; самообладание – власть разумного над животным, счастье – внутренняя гармония души и добродетель. Таким образом, путь к счастью – разумное знание, которое поможет в совершении добродетели. Сократ считает, что знание тождественно творению блага, то есть все плохие поступки совершаются исключительно по незнанию, а в случае знания человек всегда делает добро (так полностью отрицается влияние воли человека на его поведение – достаточно наивно, вообще говоря).

Бог, по мнению Сократа, – нечто, достигшее полного самообладания, разум, понимающий всё без исключения; он не нуждается ни в ком и ни в чём; мудрец – тот, кто стремится к тому же состоянию. Кроме этого, философ упоминает некоего «даймона»; это существо, которое предостерегает человека от неправильных (а, значит, неразумных поступков), но не сообщает, как же надо поступать (что истинно). После смерти тела душа будет либо вознаграждена, либо погибнет вместе с телом, однако человек никак не может повлиять на исход; поэтому стремиться к счастью и творить добро нужно сейчас, во время жизни, не рассчитывая на какое-либо продолжение своего существования. Таким образом, каждый человек – зодчий своего счастья, его задача – поступать по истине; единственная сила, способная помочь в этом, – разум. Человек должен гордиться своим разумом, а не хвастаться физической силой, ведь всякое насилие – безусловное зло. Именно поэтому Сократ до последнего словесно защищает себя на суде, но отказывается бежать: побег – насилие над законом.

Итоги. Два основных достижения Сократа уже были указаны в начале параграфа; всё новаторство метода познания становится ясно даже из самого поверхностного сравнения с предшествующими методами. Впервые утверждается, что истина, безусловно, есть, но она не приходит ни к кому сразу: сесть под оливковое дерево и начать думать явно недостаточно☺; познание – сложный процесс, а истина раскрывается только методом проб и ошибок. Этика Сократа – первое законченное и логичное этическое учение, которое, однако, всё же лишено должной онтологической основы. Совершенно неясна онтологическая природа души и тела; в частности, известно, что далеко не все люди адекватно реагировали на слова Сократа во время диалога; некоторые проклинали философа, узнав, что он сам «ничего не знает». В этой связи остаётся непонятным: все ли люди способны «родить мысль»? Или для некоторых не подходит метод Сократа? Но мыслитель, судя по всему, онтологией вообще не занимался; и такой подход вполне разумен: перед выяснением структуры бытия не вредно разобраться с методом исследования, дабы не пойти в ложном направлении с самого начала. А разрабо-

тать, используя работающий метод, собственно онтологическую концепцию уже значительно проще: именно этим воспользовался один из учеников Сократа – Платон (см. 2.3.5).

Особенности позиции Киселёва. Естественно, Сократу даётся положительная оценка, с чем, вообще говоря, вряд ли стоит спорить. Правда, Киселёв приписывает философу ряд открытий, которых Сократ скорее всего не делал. В частности, утверждается, что именно Сократ впервые обнаружил логический круг частного и общего: для общего определения требуется обобщение частного, но для выделения частных данного (определяемого) вида требуется общее определение. Книги о подобных суждениях Сократа не сообщают: мыслитель действительно вышел на подобную проблематику, но она его не слишком волновала – герменевтика (в современном понимании этого слова) появилась, всё же, лишь в двадцатом столетии (см. 5.9). Второй момент связан с утверждением: сущность всех вещей находится в человеке; Сократ его, естественно, не отрицал и, более того, активно использовал – это и есть онтологическое обоснование принципов иронии и маевтики. Однако сам философ онтологией не занимался, а потому следующий вопрос – откуда в человеке берётся сущность всех вещей? – он перед собой просто не ставил. Да и вряд ли мог сделать это, сохраняя диалоговую форму развития философии: какие контраргументы можно использовать в такой беседе, если сама человеческая сущность глубоко субъективна и неодинакова у разных людей.

2.3.3. Сократические школы.

Киники. Школа киников была основана Антисфеном (444 – 368 до н. э.) – учеником Горгия (см. 2.3.1), а позднее Сократа – в гимназии Киносарг, откуда и пошло название (тем не менее, слово «киник» созвучно с греческим словом «собака», поэтому представителей этого направления часто называли собаками – благо их образ жизни был действительно близок к звериному). Основой кинического учения стали унаследованные от Сократа идеи *самообладания и силы духа*; другие положения концепции Сократа были при этом сильно изменены, а порой и искажены до неузнаваемости. Антисфен полагал, что только чувственное познание истинно, а задача разума – дать имена наблюдаемым вещам. Именно поэтому киники отрицали общие понятия, утверждая: нельзя сказать, что «человек добр», ведь «человек есть человек», а доброту наблюдать невозможно. Этические принципы основаны на утверждении самообладания: если Сократ не характеризовал удовольствие как благо или зло, то Антисфен считал удовольствие безусловным злом. Нужно избегать удовольствий, поэтому добродетель – аскетическая жизнь в соответствии с природой, без стремления к деньгам или власти. Киники проповедовали *индивидуализм*, считая, что добродетель определяется природой, но не обществом; они ходили по городам, не задерживаясь в каком-либо полисе, а потому могут быть названы первыми идейными *космополитами*.

Наиболее видным последователем Антисфена был Диоген Синопский (? – 323 до н. э.). На своей родине, в Синопе, Диоген был осуждён за фальшивомонетничество и изгнан с позором; он встретил Антисфена и долго ходил за ним, упрашивая взять к себе в ученики. По преданию, когда Антисфен рассердился и взял палку, Диоген подставил голову и сказал: «Бей, ведь нет ничего крепче, чем голова, стремящаяся к знанию». Так Диоген стал учеником Антисфена. Позднее он переселился в Афины и довёл киническое учение до логического конца, сведя его к почти полному экстремизму. Основным принципом Диогена стала «перечеканка монет»: мыслитель жил в пифосе (сосуде для зерна) и проповедовал полное слияние с природой, отрицая всё общественное. Днём он бродил по Афинам с горящим факелом, провозглашая: «Ищу человека», – показывая, что все вокруг живут неправильно; ведь для счастья нужно лишь бросить всё общественное, приносящее удовольствие, и слиться с природой, а это по силам любому. Диоген отрицал любую власть: по преданию, когда философ грелся на солнце, к нему подошёл Александр Македонский со словами «Желаю чего угодно – я сделаю всё, что ты хочешь». Диоген ответил: «Не заслоняй мне солнце». Философ называл себя собакой, которая «торжественно приветствует дающего, лает на тех, кто не даёт, и кусает того, кто отнимает».

Уже этих проявлений экстремизма и своеобразного эпатажа было для граждан Афин вполне достаточно – Диогена считали сумасшедшим, но при этом уважали за оригинальность и пронизательность. Однако «выходки» мыслителя не ограничивались презрением к власти; он проповедовал тотальный *натурализм* в соответствии с принципом «что естественно, то не постыдно». Диоген не только жил в пифосе, но и спокойно справлял естественный потребности на центральной площади Афин, а также полагал науки и искусства бессмысленными и никчёмными. Другой достаточно известный киник – Кратет – был первым философом, зафиксировавшим киническое учение в текстах; он писал диатрибы – короткие диалоги, напоминавшие диалоги Сократа и содержащие этические поучения. Женой Кратета была Гиппархия – первая женщина-философ.

Киренаики. Эта школа была основана в городе Кирена (отсюда название) в Северной Африке Аристиппом (435 – ? до н. э.). Киренаики, как и киники, отрицали теоретическое знание, но считали также, что истина вообще не существует; в вопросах этики они опирались на принцип *гедонизма* (получения удовольствия), считая, что благо – удовольствие, а зло – страдание. Тем не менее, здесь сохраняются остатки учения Сократа о самообладании; цель жизни – не сами удовольствия, но власть над ними; разумное поведение, ведущее к наслаждению. Соответственно, следует быть свободным от внешних благ, а всё вокруг воспринимать как нечто постороннее; по рассказам, когда тиран Сиракуз плюнул в лицо Аристиппу, философ стерпел, а на упрёки ответил: «Рыбаки подставляют себя морским брызгам, дабы поймать мелкую рыбёшку, так почему я не могу стерпеть брызги слюны во имя улова большой рыбы».

Однако позднее киренаизм вырождается в достаточно циничное и сомнительное с моральной точки зрения учение; Феодор Атеист заявляет, что критерий поведения – не получение отдельных удовольствий, но пребывание в устойчивом радостном настроении. По этой причине благо и зло – не удовольствие и страдание, а радость и печаль. Сама же радостная жизнь сводится к тотальному индивидуализму и отрицанию любых моральных норм (поскольку по природе человеку разрешено всё; рассказывают, что Феодор считал возможным ограбить храм или совершить прелюбодеяние во имя собственного блага). Так учение киренаиков превращается в циничную форму агностицизма; но к этому моменту влияние учения на греческую культуру уже сведено к минимуму.

Мегарики. Столь же короткой была жизнь ещё одной сократической школы – течения мегариков. Она была основана Евклидом из Мегара (435 – 365 до н. э.) в одноимённом городе, а само учение объединило в себе концепции Сократа (см. 2.3.2), элеатов (см. 2.2.3) и софиста Горгия (см. 2.3.1). Евклид различал чувственный и умозрительный пути познания, а также считал сущее единым. Мегарики прославились созданием и активным использованием в спорах различных софизмов: некоторые из них повторяли апории Зенона против движения и множественности; другие же были вполне оригинальными. Например, софизм «Лжец»: когда ты говоришь «Я лгу» и говоришь правду, то лжёшь, поскольку если ты лжёшь и при этом говоришь правду, то ты лжёшь. В софизме «Покрытый» говорится, что Электра знает своего брата Ореста, но если брат лежит под покрывалом, то Ореста не знает, кто лежит под покрывалом; получается, что Ореста не знает того, кого она знает. Подобные построения настраивают мегариков на скептический лад; итогом развития учения становится подтверждение тезиса Горгия: «Если бытие и существует, оно непознаваемо; если познаваемо, то невыразимо».

Итоги. Все сократические школы как бы отошли от базовой тематики Сократа – отыскания сущности вещей в человеке, – развив лишь частные и, в принципе, незначительные стороны концепции учителя. При этом все три учения оказались достаточно странными: основываясь на явно неочевидных постулатах, они постепенно пришли к скептицизму или, как киники, полному отрицанию теоретического знания. Причина проста – не те исходные посылы и использование весьма странной логики: а, точнее, полное отсутствие внятно сформулированной логической системы (недаром парадоксы мегариков относят к софизмам). Тем

не менее, некоторые положения в учениях сократических школ сыграли определённую роль в дальнейшем развитии философии: например, без радикальных киников и киренаиков вряд смогла бы возникнуть вполне уравновешенная этика стоиков (см. 2.4.3) и эпикурейцев (см. 2.4.2).

2.3.4. Платон.

Биография и сочинения. Платон (428/427 – 347 до н. э.) родился на Эгине в небогатой семье знатного происхождения; настоящее имя – Аристокл; по преданию «псевдоним» Платон был придуман Сократом и обозначает силу (Платон действительно отличался большой физической силой). Будущий философ учился у Кратила (ученик Гераклита – см. 2.2.4), а затем – у Сократа. Аристокл имел знатных родственников, мог составить хорошую политическую карьеру и даже имел опыт участия в управлении Афинами в 404-03 гг., но быстро разочаровался в политике из-за обилия интриг и лжи. Переломным моментом стала казнь Сократа в 399 году – с этого момента Платон окончательно отказывается от политической карьеры. Ещё до этого он отказывается от многих юношеских увлечений – например, сжигает все ранее написанные стихи.

После гибели Сократа Платон вместе с остальными учениками перебирается в Мегару, но вскоре отправляется странствовать и попадает в Сиракузы. Там Платон знакомится с Дионом – родственником Сиракузского тирана – и пытается провести в жизнь свою концепцию идеального государства. Однако тирана не устраивают советы Платона, он продаёт философа в рабство. Платона-раба привозят на Эгину, где его выкупает некий киренец Анникерид; друзья Платона собирают деньги для того, чтобы вернуть их Анникериду, но тот отказывается; тогда эти деньги получает Платон и покупает на них сад вблизи Афин, названный в честь мифического героя Академа. В этом саду философ в 388 году основывает собственное учебное заведение – Академию. После основания Академии Платон постоянно живёт в Афинах, совершив всего две поездки – в Сиракузы; обе поездки направлены на создание в Сиракузах идеального государства и заканчиваются провалом.

Известно более 40 диалогов, приписываемых Платону, хотя не во всех случаях авторство может быть надёжно установлено. Обычно выделяют три периода творчества Платона: ранний (до первой поездки в Сиракузы – диалоги «Критон», «Протагор»), зрелый (390 – 360 гг.; диалоги «Горгий», «Менон», «Тезет», «Парменид», «Софист», «Тимей», «Государство») и поздний (360 – 347 гг.; диалог «Законы»). Известно также, что Платон читал в Академии лекции на тему «Вокруг Блага», однако он не только не записывал их сам, но даже запрещал ученикам конспектировать, считая, что слова на бумаге не способны должным образом выразить подобное содержание. Тем не менее, сохранились некоторые записи, а также пересказы этих лекций.

Учение об идеях. Платон разрешает проблему взаимоотношений Единого и Многого, используя так называемую «вторую навигацию» (этот термин применяли греческие моряки, когда в отсутствие ветра вели корабль на вёслах), – он помещает их в разные миры, утверждая, что Многое – наш чувственный мир, а Единое – сверхчувственный мир идей, расположенный в наднебесье. Чувственный мир подчинён миру идей; все вещи в нашем мире обязаны своими свойствами идеям: вещь прекрасна, если в ней есть идея прекрасного; доска зелёная, потому что в ней есть идея зелёного. Соответственно, только мир Многого познаваем чувственно, а мир идей (который Платон называет Гиперуранией) можно познать исключительно умом.

Итак, идея (Платон также называл её эйдос, форма) – это не сама мысль, но то, по поводу чего думает мысль, свободная от чувственного; это сущность всех вещей, не зависящая от восприятия конкретного человека. Идеи не порождены и неуничтожимы; они гармоничны. Мир идей – это и есть бытие элеатов (см. 2.2.3); однако в этом мире существует движение: идеи неподвижны относительно себя (неизменны), но движутся друг относительно друга так, что среди них возникает иерархия. На «вершине» Гиперурании находится идея Блага

(то, что производит бытие и сущность, делает ум познающим, а идеи – познаваемыми); Благо – *целевая причинность*, заложенная во всех идеях; другими словами, это то, ради чего происходят все события. За идеей Блага следуют идея множественности (ограничивающая Единое – Благо), идеи бытия, покоя и движения; тождества и различия.

Весь окружающий нас физический мир создан творцом – Демииургом – как подобие мира идей. Демииург – создатель физического мира, но не создатель мира идей или материи; он лишь зодчий, подчиняющийся, как и всё остальное, идее Блага. Сначала из «смеси» идей и материи Демииург создаёт мировую душу – четыре стихии, образующие космос (огонь, воду, воздух и землю); затем он придаёт космосу шарообразную форму, помещая на него звёзды; мировая душа разделяется на души по числу звёзд, а каждая из душ даёт жизнь Богам, растениям, животным и людям. Таким образом, всё вокруг нас – результат смешения материи и идей. Но почему гармоничные, «идеальные» идеи дают негармоничные вещи (грязные, разбитые, некрасивые) – потому что материя сопротивляется воздействию идеи и первоначальная гармония нарушается.

Учение о познании. Все живые существа и, в частности, человек имеют душу. Человек живёт за счёт души, однако для души тело – своеобразная могила, поскольку смерть тела – освобождение души. Все души обитают среди звёзд и периодически вселяются в тела; при таком вселении душа «забывает» всё, что с ней происходило ранее, – а ранее она могла со звёзд видела Гиперуралию, мир идей. Судьба души после смерти тела зависит от поступков человека (но не от его сословия или богатства) – душа, чьё тело совершало грехи, обречена на муку: вселение во всё новые и новые тела; душа, тело которой совершало только благие поступки, достойна отдыха среди звёзд. Платон связывает процесс познания с душой – она просто «вспоминает» ранее виденный мир идей. Философ подтверждал это таким примером: если прийти к неграмотному мальчику – сыну раба – и задать ряд наводящих вопросов, то этот мальчик сможет самостоятельно доказать непростые математические утверждения; значит, знания заложены в любом человеке – нужно лишь суметь их пробудить.

Существует два пути получения знания – мнение и наука. Мнение подразделяется на простое воображение (доступны тени и образы вещей) и верование (доступны сами вещи); наука может быть родом опосредования (математико-геометрические познания) и чистой мудростью (диалектикой, познание мира идей). В повседневной жизни люди используют мнение, математики способны к опосредованию и лишь философы могут познать мир идей. Диалектическое познание может проходить двумя путями: либо философ, отвлекаясь от чувственного, познаёт идею за идей, стремясь к вершине (идее Блага), либо он движется от высшей идеи к конкретным идеям и их содержанию. Так впервые формулируются принципы индукции и дедукции как двух возможных путей познания.

Иллюстрацией к данному учению служит так называемый миф о пещере: в тёмной пещере всю жизнь находятся заключённые, прикованные спиной к входу. Через вход в пещеру попадает свет, так что все внешние события отражаются на внутренней стене пещеры в виде теней. Эта ситуация – аналог той, в которой все мы живём: вне пещеры нашего мира находится мир идей, а наши органы чувств способны зафиксировать лишь вещи – тени идей. Если человек вдруг освободится из пещеры и выйдет на свет, то поначалу он ослепнет, но затем узрит истинный мир; однако, вернувшись в пещеру, ему придётся приложить немало усилий, дабы обратить оставшихся к свету. Так и в реальной жизни: философ способен узреть мир идей, но возникает новая задача: убедить живущих в пещере в истинности этого, а не привычного «тёмного» мира.

Учение об обществе и государстве. Платон различает три типа человеческих душ: *разумные* (для которых наиболее важен разум – люди, склонные к умозрительному познанию), *страстные* (наиболее важна страсть – это люди увлекающиеся) и *вождедеющие* (наиболее важны чувства – люди, склонные к чувственному познанию). В каждой душе существуют все три составляющие, соотношение которых и определяет, каким будет человек. Соответственно, в идеальном государстве есть три типа граждан: *ремесленники, крестьяне и купцы* (вож-

делеющие души), *стражники* (страстные души) и *философы* (мудрецы – разумные души). Представители каждого из этих «классов» должны заниматься тем, к чему более склонны их души: ремесленники – заниматься ремеслом, не стремясь к истинному знанию; стражники – охранять, страстно защищая своё государство; философы – мудро править государством, исходя из знания истинного устройства мира.

Права и потребности каждого «класса» строго регламентированы: ремесленники и крестьяне не нуждаются в каком-либо образовании, они могут по ходу дела осваивать свои профессии; стражники должны совершенствоваться в физической силе, а также заниматься гимнастикой и музыкой (которая, по мнению Платона, укрепит в их душе элемент, питающий выносливость и мужество). Наиболее сложным является образование философа: сначала изучение философии, с 30 лет – появление практических занятий, а с 35 до 50 – первое столкновение с реальностью. И лишь после 50 лет философ мог становиться правителем. Потребности ремесленников и крестьян – это обычные человеческие потребности; представителям этого сословия разрешено иметь собственность, жениться. Стражи лишены частной собственности, а жёны (мужья) и дети являются общими для всего «класса»; мужчины и женщины этого класса получают одинаковое образование и живут в одинаковых условиях. Философам запрещается как наличие семьи, так и частной собственности. Задача философа – познание Блага, приведение себя в соответствие с Благом и «прививание» познанного Блага другим людям.

В соответствии с этими идеями строится этика: задача каждого человека – освобождение своей души, поэтому нужно поступать в соответствии с Благом, а смерть воспринимать как приобщение к Благому; смерть – не конец жизни, а начало новой жизни, в которой можно увидеть мир идей.

Ясно, что для успешной реализации модели идеального государства Платона необходимо не слишком большое количество людей (возможность эффективных управления и охраны), но и не слишком малое (возможность полного обеспечения материальных потребностей). Поэтому сам философ считает лучшим объектом для реализации своей модели полис – Платон теоретически обосновывает необходимость существования полиса и описывает принципы устройства этого города-государства. В позднейших исследованиях модель идеального государства Платона часто называют «казарменным коммунизмом» – действительно, учение философа предполагает полное подчинение личности государству, их интересы здесь неразделимы. Хотя, безусловно, это не есть «полноценный» коммунизм, поскольку сохраняется (пусть и в урезанном виде) частная собственность. Так Платон решает основную историческую задачу – обоснование необходимости существования полиса; тем не менее, картина жизни этого полиса несколько удручает; но это и не страшно: модель не была реализована на практике – полис «развалился» значительно раньше. 😊

Однако этим учение Платона о государстве не ограничивается: после описания структуры идеального государства философ говорит о моделях государственного устройства, сменяющих друг друга в «неидеальном» государстве; эта часть концепции несколько более реалистична. Итак, все модели основаны на том, что кто-либо имитирует идеального политика: *монархия* (идеального политика имитирует один человек), *аристократия* (группа влиятельных людей), *демократия* (народ). Когда эти «идеальные политики» перестают что-либо имитировать, а начинают заботиться лишь о собственных интересах, то эти три модели вырождаются, соответственно, в *тиранию*, *олигархию* и *демагогию* (охлократию). По мнению Платона, историческое развитие происходит по кругу: аристократия – олигархия – монархия (выделяется один из олигархов) – тирания – демократия (народ свергает тирана) – охлократия – аристократия (из толпы выделяются предприимчивые люди)... Единственный выход из этого круга – построение идеального государства.

Платон при этом не ограничивается вопросами государственного устройства; он рассуждает и о других сторонах общественной жизни – например, отвергает искусство как нереальное изображение нереальной действительности. Искусство показывает чувственную реальность и тем самым «удаляет» людей от истины и познания Блага. Также негативно Пла-

тон относится к поэзии – при написании стиха поэт находится в «лихорадке», он не ведаёт, что творит, поэтому стихи не пишутся рационально – они не способны кого-то научить. Тем не менее, Платон не отрицает права поэзии и искусства на существование. Зато философ полностью отвергает риторику как искусство убеждения в заведомо ложном утверждении; искусство риторики всячески противодействует поиску истины – ведь на деле часто оказывается, что риторы сами ничего толком не знают, но строят из себя мудрецов.

Итоги. Платон создаёт первую в Античности законченную концепцию мироздания, охватывающую и самые общие вопросы бытия и конкретные моменты этики, политики, культуры. Можно также сказать, что именно Платон стал основателем метафизики – науки об умозрительных основах бытия, так как именно он впервые попытался не постулировать в качестве основания бытия то или иное первоначало, но, придумав идеи, достаточно подробно описать мир идей и его взаимодействие с материей. Впрочем, «первый блин вышел комом»: непонятно, откуда взялся мир идей, из чего Демиург «лепил» идеи, и откуда взялся сам Демиург? Какова сущность души – если материальна, то где её искать, почему мы не можем наблюдать летающие к звёздам и обратно души; если нематериальна – то чего душа делает в материальном мире? И это только начало. Платон, с одной стороны, оправдывает полисное устройство Греции, но, с другой стороны, приходит к тому, что сохранение этого устройства ведёт к не слишком «весёлой» картине жизни. Наверное, это не смущало философа (он всё равно стал бы правителем☺), а вот остальных граждан такая картина, вероятно, устраивала мало.

Особенности позиции Киселёва. Платон характеризуется как один из важнейших философов Античности (что сомнений не вызывает), который, в отличие от физика Демокрита (см. 2.2.6), обратился к сущности вещей в человеке и открыл, откуда эта сущность там берётся. Всё это, конечно, так – для философии обращение к идеям было большим шагом вперёд, а вот для зарождавшегося научного знания – не меньшим шагом назад. Именно с Платона теоретизирование, умозрение окончательно оторвалось от практики; тот факт, что законы природы необъяснимы с точки зрения теории идей стало ясно лишь значительно позже – после того, как всё Средневековье цвело «пышным цветом» метафизические концепции Платона и Аристотеля.

2.3.5. Аристотель.

Биография и сочинения. Аристотель родился в 384 году до н. э. в городе Стагире (отсюда полное имя – Аристотель Стагирит) на северо-западном побережье Эгейского моря; отец философа был врачом македонского царя Аминты III – отца Филиппа II и деда Александра Македонского. Когда Аристотелю было 17 лет, его отец умер, а Филипп II помог мальчику переехать в Афины и попасть в платоновскую Академию, дабы получить лучшее на тот момент образование. Аристотель становится учеником Платона и остаётся в Академии вплоть до смерти учителя в 347 году. Затем главой Академии становится Спевсипп, с линией которого Аристотель не согласен, а потому решает уехать из Афин и поселяется в городе Асса в Малой Азии, где и живёт под покровительством тирана Гермия. После гибели Гермия Аристотель перебирается в Митилен на остров Лесбос, где к тому моменту уже живёт его ученик Теофраст.

В 343 (или 342) году философа требует к себе Филипп II, предлагая стать воспитателем и наставником сына Александра; Аристотель принимает предложение и находится при македонском дворе вплоть до восшествия Александра на трон (около 336 года). Затем Стагирит возвращается в Афины и основывает там собственное учебное заведение – Ликей. При Ликее имелся сад с крытыми галереями для прогулок; обучение в Ликее часто велось в ходе таких прогулок, поэтому учащихся школы Аристотеля называли *перипатетиками*. В это же время Александр присылает учителю большое количество редкостей, захваченных во время походов, – полководец даже создал специальный отряд, который первым входил в захваченный город и собирал там всё самое ценное. В результате Аристотель стал обладателем обширной

коллекции самых разных предметов и рукописей, а после его смерти ученики сделали эту коллекцию общедоступной, устроив *кунсткамеру*.

После смерти Александра в 323 году Аристотель спешно покидает Афины, опасаясь наказания за близость с покойным правителем (Стагириту так и не смогли предъявить политические обвинения, но пытались привлечь к суду за безбожие). Большая часть трудов философа остаётся в Афинах, откуда их позднее забирает ученик Теофраст. Аристотель умирает в ссылке через год – в 322.

Наиболее известные труды Аристотеля относятся к периоду Ликее, однако сохранился и ряд более ранних работ, показывающих плавное развитие философа от платоновской теории идей к собственной метафизике. Труды Стагирита, вывезенные из Афин Теофрастом, позднее попали в Малую Азию, где почти 250 лет пролежали в подвале, а в 86 г. до н. э. были найдены неким библиофилом и переправлены в Афины. Оттуда сочинения Аристотеля затребовали в Рим, где Андроник Родосский составил первое собрание сочинений философа. Тем не менее, многие работы почти на 300 лет выпали из исторического процесса, что сыграло определённую роль в развитии эллинистической философии (в первую очередь «пострадали» эпикурейцы и стоики, так и не познакомившиеся с метафизикой Аристотеля – см. 2.4.2, 2.4.3).

Сочинения Аристотеля обычно разделяют на две группы: *экзотерические* (диалоги, предназначенные для широкой публики) и *эзотерические* (работы, предназначенные для внутреннего использования в Ликее). Последние представляют наибольший интерес – именно к ним относятся «Органон», «Физика», «Метафизика», «История животных», «Риторика», «Поэтика».

Метафизика и категории. Понятие «метафизика» уже упоминалось (см. 1.2) – оно обозначает науку об умозрительных основах бытия в отличие от физики, исследующей устройство природы. Между тем, Аристотель не использовал это название, именуя метафизику «*первой философией*», а физику – «*второй философией*». Слово «метафизика» появилось тремя веками позже – при первом издании собрания сочинений Аристотеля Андроником Родосским: тогда все сочинения были разбиты на группы, при этом кроме чисто физических были обнаружены работы, похожие на физику, но не физичные по сути. Для таких работ было придумано название «метафизика», как нечто, похожее на физику; поэтому название и не несёт большого смысла, указывая лишь на определённую схожесть двух дисциплин.

Большая часть учения, относящегося к «первой философии», изложена в «Метафизике». Сочинение начинается с обзора предшествующих философов и критического рассмотрения их концепций. Доходя до Платона, Стагирит критикует теорию идей; вот некоторые из его аргументов: невозможно, чтобы неподвижная идея была причиной движения; неясно, как идеи, находящиеся в одном мире, влияют на вещи, находящиеся в другом мире; если есть конкретный человек – Платон – и есть понятие (идея) человека, то «между ними» есть также понятия белого человека, грека, афинянина и т. д. – данный процесс бесконечен, поэтому идей, характеризующих Платона, бесконечно много. Затем философ излагает собственное мнение об устройстве бытия.

Основа метафизики – категории (см. 1.4), которых у Аристотеля десять: *сущность, качество, количество, отношение, место, время, положение, обладание, действие, страдание*. Каждая из этих категорий отвечает на тот или иной вопрос: сущность – «Что есть вещь?»; количество – «Сколько?»; место – «Где?», и так далее. И введение категорий уже само по себе стало огромным достижением: раньше те же слова пользовали в самых разных смыслах, что часто путало, приводя к абсурдным рассуждениям. Именно неопределённостью фундаментальных понятий активно пользовались софисты, создавая свои парадоксы; Аристотель положил конец подобным «недомолвкам».

Причинности. Помимо категорий Аристотель вводит четыре причины (или, правильнее сказать, причинности – то, что является причиной каких-то событий): *формальную, материальную, двигательную и целевую*. Формальная причинность определяет свойства предмета,

материальная – то, из чего состоит предмет, двигательная – то, что создаёт предмет, целевая – то, ради чего создаётся предмет. Например, если рассматриваемый предмет – горшок, то формальная причина – округлая форма горшка; материальная причина – глина; двигательная – гончар, который реализует форму горшка в реальном изделии; целевая – то, ради чего гончар делает горшок. Аналоги этих четырёх причин могут быть найдены и у предшествующих философов: формальная и материальная – идея и материя Платона; двигательная – необходимость Демокрита; целевая – идея Блага Платона. Впрочем, лишь Аристотель объединил эти части и, более того, объявил четырьмя основными характеристиками предмета, то есть, по сути, первоначалами.

Далее Аристотель включает двигательную и целевую причинности в формальную, образуя понятие формы предмета, а сущность предмета определяет как совокупность материи и формы, причём на первом месте безусловно стоит форма, ведь материя пассивна, она лишь материал, нуждающийся в оформлении. Тогда сущность бытия – формы всех существующих предметов, причём никакого сверхчувственного мира нет: формы находятся в том же мире, что и материя; просто они не постигаемы чувственно. Форма и материя не появляются и не исчезают, они вечны и могут существовать в чистом виде – соответственно, «первой материи» и божественной «формы форм». Материя и форма взаимодействуют, образуя предметы; при этом, однако, нужно иметь в виду, что эти понятия не являются аналогами чувственных. Один и тот же предмет (например, кирпич) может выступать и как реализованная форма (изделие из глины), и как материя (материал для постройки дома).

«Первая материя» и «форма форм» совместно образуют божественное, которое, таким образом, является аналогом идеи Блага и первопричиной движения. Божественное неподвижно, однако оно всё-таки может быть причиной движения, совмещая в себе двигательную и целевую причинности (движение возникает не потому, что «перводвигатель» сам двигается, но потому, что существует цель движения). Так Аристотель разрешает «неувязки» теории идей Платона; между тем, и новая метафизика скрывает в себе определённые проблемы (см. Итоги), сыгравшие большую роль в последующем развитии философии.

Логика. Термин «логика» также не принадлежит Аристотелю – он был введён позднейшим комментатором, однако сам мыслитель выделял этот раздел философии как отдельную дисциплину, называя её аналитикой. Основа логики – уже упоминавшиеся категории, а основная проблема – их точное определение. Очевидно, оно не может быть дано через род и родовое отличие (см. 1.4), поскольку нет рода, к которому можно отнести категорию. Именно по этой причине определения Аристотеля оказались нестрогими – на вопрос «Что есть вещь?» можно ответить по-разному, а какой из этих ответов считать собственно сущностью вещи, мы не знаем. Впрочем, даже то, что сделал Аристотель, было чрезвычайно важно: он, конечно, не добрался до парного определения категорий, но зато внёс в эти понятия определённую ясность.

Основное логическое произведение Аристотеля – «Органон» – начинается с рассмотрения категории сущности; философ выделяет «первые сущности» – отдельные предметы и «вторые сущности» – роды и виды; само понятие сущности объединяет единичный предмет и общий род, состоящий из множества таких единичных предметов. Отсюда следует метафизический вывод: сущность каждой вещи сугубо индивидуальна – это набор признаков вещи, то есть каждая вещь имеет свою собственную форму, а не каждая вещь есть результат взаимодействия разных идей, как полагал Платон.

Далее Аристотель переходит к рассмотрению высказываний; высказывания – утверждения, составленные из понятий. Высказывания классифицируются по количеству (общие и частные) и качеству (утвердительные и отрицательные). При комбинации высказываний должны выполняться три фундаментальных логических закона, впервые сформулированные Аристотелем: 1) закон тождества (А есть А, то есть понятие должно употребляться только в одном значении); 2) закон исключения противоречия (А не есть не-А); 3) закон исключённого третьего (либо А, либо не-А истинно; «третьего не дано»). Далее Аристотель вводит понятие силлогизма – соединения двух понятий через третье, общее для обеих посылок (напри-

мер, если одновременно верны А и В, В и С, то одновременно верны А и С: если все люди смертны, а Сократ – человек, то Сократ смертен). Силлогизмы подчиняются следующему правилу: всё, что утверждается о целом роде или виде, утверждается также для любого понятия, входящего в этот род, а всё, что отрицается для рода, отрицается и для всякого элемента рода. Силлогизмы, по мнению Аристотеля, помогают делать правдоподобные заключения из правдоподобного, не впадая в противоречие.

Кроме этого, в «Органоне» Аристотель указывает на основные части, необходимые для осуществления полезного диалога, а также классифицирует софизмы на *языковые* (ошибка в употреблении одного и того же слова в разных значениях) и *логические* (ошибка в логике рассуждений – не соблюдается один из трёх законов).

Этика. Аристотель считает, что любая деятельность должна быть разумной; в частности – деятельность нравственная. Цель жизни человека – достижение блага, заключающегося в спокойном созерцании окружающего мира; такое созерцание невозможно без спокойной и безбедной жизни. Соответственно, условия жизни – *материя блаженной жизни*, а благо – её *форма* (цель). Необходимым условием достижения блага является добродетель – определяемая разумом середина между двумя крайностями (например, великодушие между малодушием и тщеславием; мужество – между безрассудной отвагой и трусостью).

Душа человека делится на *неразумную* (питающую (функции питания и размножения) и ощущающую (ощущение)) и *разумную* (познание с помощью разума) части. Соответственно, добродетель может быть разделена на *этическую* и *дианоэтическую*. Этические добродетели связаны с привычками человека (мужество, скромность), дианоэтические – с познанием, они созерцательны. Аристотель считает, что существует свободный выбор между добром и злом; задача каждого человека – разумно определять, где добро, а где – зло, и делать свой выбор; таким образом, Стагирит впервые говорит о воле как факторе, определяющем поведение человека.

Таким образом, этика Аристотеля в противовес платоновской этике оказывается чрезвычайно жизненной. Благо здесь – вещь вполне достижимая в реальной жизни, а не нечто, ожидающее человека после смерти (впрочем, где добро, а где зло всё равно неясно:-)). Этическое учение становится и основой учения о государстве; ключевую роль в этом случае играет такая добродетель как *справедливость*. Справедливость – середина между нарушением закона и неадекватным отношением к равным, то есть справедливость есть законность и равенство; соответственно, она может быть уравнивающей (воздаяние благ равным за равное) и распределяющей (разное воздаяние благ в соответствии с достоинством человека).

Аристотель считает человека «политическим животным», то есть животным государственным, поскольку для Стагирита общество неразрывно связано с государством. Государство – общение подобных друг другу людей в целях возможно лучшего существования. Однако для этого общения необходимо определённое благосостояние и наличие свободного времени; только люди, обладающие этими благами, могут быть свободными гражданами; остальные – ремесленники, крестьяне – не могут вести блаженную жизнь, а потому не участвуют в управлении (две стороны справедливости). По сути дела, критерием, выделяющим свободных граждан из общей массы, оказывается *частная собственность* – и здесь Стагирит вновь противоречит Платону, отрицавшему частную собственность для высших классов. Рабы, по мнению Аристотеля, – иной тип людей, представители которого приспособлены к тяжёлому физическому труду; по своей природе они не должны быть свободными, им следует находиться под чьей-либо властью. Кроме этого, по аналогии с Платоном Стагирит выделяет три «правильные» (монархия, аристократия, полиция – демократия) и три «неправильные» (тирания, олигархия, охлократия) формы правления (см. 2.3.4, Учение об обществе и государстве).

Систематизация научного знания. Аристотеля часто называют систематизатором наук; действительно, в области метафизики он собрал и критически рассмотрел труды всех предшествующих философов. Точно также Стагирит обобщил законы формальной логики, кото-

рые широко использовали и ранее. По *цели исследований* Аристотель выделял три группы наук: *теоретические* (цель – истинное знание: первая философия, физика, математика), *практические* (цель – руководство человеческим поведением: этика, экономика, политика) и *творческие* (цель – достижение пользы и осуществление прекрасного: поэтика, риторика, искусство). Аристотель также закрепил разделение философского знания на физику (и при-мыкавшую к ней «первую философию»), логику и этику.

Итоги. Итак, Аристотель вносит свой (очень значительный) вклад во все разделы философии, то есть его явно недаром считают главным философом Античности. При этом принципиально новый и довольно реалистичный (для того времени) подход к метафизике несомненно занимает центральное место среди достижений мыслителя; идея о двух составляющих – материи и форме – оказалась крайне плодотворной и нашла своё продолжение как в довольно вторичных (на фоне Аристотеля) трудах схоластов (см. 3.3), так и у философов Нового Времени (Декарта, Спинозы – см. 4.3.1, 4.3.2). Впрочем, в несколько «слепом» подражании схоластов были и свои проблемы: Аристотель довольно легко разрешает проблему первопричины движения, чем сразу открывает дорогу для доказательства существования Бога через движение (то же самое происходит с первопричиной, первой материей и др.). Этим и воспользовались схоласты при создании собственных доказательств; между тем, в системе Аристотеля не было места для христианского Бога, а именно его хотели «впихнуть» сюда схоласты. Лишь Новое время, не «омрачённое» всесилием христианства, сумело вернуться к исходному взгляду Аристотеля, то есть «философскому Богу», являющемуся истоком мироздания, но не вершащему его судьбу, а заодно пересмотреть и сам подход, допустив существование бесконечности и «отменив» Бога (см. 4.2.3).

Несколько иная ситуация сложилась в логике – здесь учение Аристотеля осталось непрекаемым авторитетом едва ли не до наших дней; по сути дела, последователи не опровергали мыслителя, а лишь дополняли его. В конечном итоге, законы логики Аристотеля и индукция Бэкона (см. 4.2.1), формализованные Миллем (см. 5.3.2), легли в основу логики современной. В области этики всё выглядело совсем иначе: очень разумная и взвешенная система Аристотеля была хороша для Греции, но оказалась неуместной для Римской империи, а тем более христианского Средневековья. В результате, этот раздел учения мыслителя фактически не получил продолжения, несмотря на всю оригинальность и новаторство подхода.

Особенности позиции Киселёва. Вопросы этики не рассматриваются вовсе (хотя формально входят в программу), а логика ограничивается тремя законами и рассказом о категориях. С метафизикой всё ещё интереснее – речь не идёт ни о причинностях, ни о содержании категорий; основной целью почему-то оказывается разъяснение отличий физики от метафизики (хотя они, кажется, становятся ясны при первом же знакомстве с определениями). Результат несколько странен; судя по всему, имеется в виду следующее: основная заслуга Аристотеля состоит в создании метафизики, то есть понимании большей важности умозрительных основ бытия по сравнению с изучением природы. Ну и ради Бога, что называется:-)); хотя метафизика появилась ещё у Платона, просто тогда она не была оформлена как наука.

2.4. Эллинистическо-римская философия.

2.4.1. Общие замечания.

Эллинистическо-римская философия (эллин – грек) охватывает промежуток времени с конца IV века до н. э. до первой половины VI века н. э. Эту философию обычно разбивают на два периода: *эллинистический* (до начала I века до н. э. – формирование Римской империи) и *римский* (с I века до н. э. – расцвет и распад Римской империи). Основная черта эпохи – конец полисной системы, приводящий к формированию более крупных государственных образований, которые постепенно были завоёваны Римской империей. Тем не менее, победив Грецию политически, Рим оказался в греческой власти культурно. Основой римской культуры стала греческая культура, часто использовался греческий язык, в почёте находились труды греческих философов.

Между тем, в философии также произошли существенные изменения: в Древней Греции человек – гражданин полиса – ассоциировался исключительно с государством; их интересы были неразличимы. В состав Римской империи входило большое количество разных народов, некоторые из которых удерживались под властью империи насильно. Теперь уже не могло быть речи о единстве государственных и личных интересов; на первый план вышел конкретный человек, его возможности и потребности. Соответственно, в философии начинает господствовать *индивидуализм*, а, следовательно, набирает силу и *скептицизм* – сомнение во всём ранее созданном. Ведущую роль в философии играет этика, физика и логика обычно развиваются лишь как средства обоснования этических концепций. Киселёв доводит эту мысль до логического конца, считая физику и этику эллинистическо-римского периода слабым отражением «блеска» Аристотеля; впрочем, как будет видно ниже, у эпикурейцев и стоиков были оригинальные идеи, продолжавшие учение Аристотеля. Впрочем, ни одна из этих идей так и не вылилась в полноценную концепцию, так что финальный результат – обрывки знания, а не полноценное знание. К причинам такой «неудачи» можно отнести и индивидуалистический характер эллинистическо-римской философии, и незнание многих трудов предшествующих философов – во время завоевания Греции Римом некоторые книги были просто уничтожены, а другие – на долгое время скрыты от людей (в частности, такая судьба постигла многие работы Аристотеля – см. 2.3.5).

Ещё одной важной чертой эллинистическо-римского периода стал расцвет науки и ремёсел – ведь могущественная языческая империя была едва ли не самым удобным местом для их развития. В частности, именно в это время была создана первая гелиоцентрическая система мира, а Птолемей, сохраняя Землю в центре мира, неплохо сумел описать движение планет. В Римскую эпоху были воздвигнуты многие монументальные сооружения, признанные одними из «чудес света» – Александрийский маяк и Колосс Родосский; на эту эпоху приходится и деятельность многих ведущих поэтов Античности – например, Софокла и Катулла.

2.4.2. Школа эпикурейцев.

История. Эпикур (342 – 270 до н. э.) родился на острове Самос; в восемнадцатилетнем возрасте переехал в Афины, а после смерти Александра Македонского перебрался в Колофон; затем странствовал по городам Малой Азии. В 310 году он основал собственную школу, а в 306 г. переселился в Афины, где купил дом с садом; по этой причине школа эпикурейцев носила название «Сада». В Академии Эпикур слушал лекции Ксенократа, а затем в Малой Азии познакомился с учениями Демокрита и Платона; тем не менее, он не считал себя чьим-либо учеником. Сохранилась характеристика философа, сообщающая, что «Эпикур больше любил себя в философии, нежели философию в себе». После смерти учителя школа продолжала существовать вплоть до I века до н. э., когда она, как и почти все античные философские учения, оказалась подвержена *эклектике* – см. 2.4.5. Основы философской концепции эпикурейцев были заложены самим Эпикуром, хотя есть и некоторые более поздние дости-

жения, напрямую с учителем не связанные.

Физика. Основные принципы физики Эпикура таковы: 1) ничего не возникает из ничего и в ничто не превращается; 2) вселенная всегда была такою, какова она теперь, ибо нет ничего, во что она может превратиться; 3) вселенная состоит из тел (об их существовании говорят ощущения) и пустоты (без неё невозможно движение); 4) тела либо неделимы и неизменяемы (атомы), либо составлены из первых; 5) Вселенная бесконечна по числу составляющих её тел. Таким образом, Эпикур придерживается *атомистической концепции*, но вносит в неё некоторые изменения: атомы характеризуются не только формой, размерами, но и *тяжестью*. Размеры атомов не произвольны, а таковы, что атомы малы и незаметны (по сути дела, атомы теряют метафизическую сущность, становясь обычными, чувственными частичками). Все качества присущи телам, а не атомам и являются свойствами тел; при этом Эпикур различает устойчивые качества (те, что всегда характерны для данного тела – цвет, вкус, запах) и случайные признаки (например, время, поскольку его можно мыслить только в связи с движением и покоем).

Из-за наличия свойства тяжести атомы в пространстве двигаются «сверху вниз», но, поскольку пространство бесконечно, имеется в виду лишь то, что траектории атомов параллельны, а понятия «верха» и «низа» относительны. Однако в таком случае атомы не могут сталкиваться, то есть не могут образовывать предметы; по этой причине Эпикуру приходится ввести понятие *случайного отклонения* атомов от прямолинейных траекторий; он не объясняет причин такого отклонения, считая его заложенным в природе атомов изначально. Подобное «допущение» позволяет Эпикуру «освободиться» от необходимости Демокрита и развить самостоятельное этическое учение. Отсюда также следует *непознаваемость* природного *мира* – можно зафиксировать лишь общие закономерности, а частности, связанные со случайными отклонениями атомов, непознаваемы.

Логика. Учение о канонике (логике) начинается с вопросов познания: здесь Эпикур отдаёт ведущую роль ощущению; задача разума – назвать тот или иной объект словом с помощью *предвосхищения*, то есть с помощью устойчивого, повторяющегося восприятия одного и того же образа. На этом основании Эпикур выделяет три критерия истины: *ощущение*, *предвосхищение* (формирует понятия) и *претерпевание* (удовольствие или страдание от того или иного явления есть критерий предпочтения и избегания). Природу ощущения Эпикур заимствует у Демокрита (см. 2.2.6, Учение о познании) в виде теории «образов», отделяющихся от тел. При этом «образы» состоят из частиц, специально приспособленных к возбуждению соответствующих органов чувств, – то есть чувства не могут обмануть человека; зато его может обмануть разум, обозначив одним словом разные понятия. В этой связи эпикуреизм уделяет особое внимание порядку определения понятия с помощью индукции.

Развитие этой теории связано с именем Филодема (I век до н. э.) – римского последователя Эпикура. В работе «О знаках» Филодем отмечает, что умозаключения возникают как обобщение ощущений с помощью *знаков*: шрам – знак раны, дым – знак огня; то есть опыт – основание для умозаключения. При этом эпикурейцы считали связь знаков и ощущений сугубо эмпирической (в отличие от стоиков, говоривших о рациональной связи – см. 2.4.3), имея при этом в виду, что проводить индукцию по случайному свойству нельзя. Таким образом, необходимо выявить одно устойчивое свойство и делать по нему заключение обо всех предметах данной группы. Например, если все известные нам люди смертны, то можно признать, что все люди смертны (иначе думали стоики, признававшие возможность существования пока неизвестных нам бессмертных людей подобно тому, как все камни, кроме магнита, не притягивают железо).

Этика. Этика Эпикура основана на принципе гедонизма – стремления к наслаждению, то есть её основная идея может быть сформулирована так: уклоняться от превратностей судьбы, дабы получать удовольствие. Тем не менее, нельзя делать удовольствие целью жизни – иначе человек становится рабом своих желаний. Поэтому истинное счастье – в разумном удовольствии; по сути дела Эпикур заимствует основные положения учения киренаиков

(см. 2.3.3, Киренаики). Однако он идёт несколько дальше, подразделяя желания человека на *естественные* и *пустые*; естественные желания, в свою очередь, подразделяются на *необходимые* и *подлинно естественные*, а необходимые – на те, что необходимы *для счастья, для тела и для самой жизни*. Задача человека – разумно классифицировать каждое своё желание и поступать в соответствии с результатом такой классификации.

Важное место в этике Эпикура занимает вопрос о Боге: философ считает, что Боги существуют, поскольку именно так думают все люди. Однако они понимают под Богом некую высшую силу; но тогда Боги никак не могут влиять на жизнь человека (ведь если Боги не могут победить зло, то они не есть высшая сила; а если они могут вмешиваться в нашу жизнь, то почему зло ещё существует?). По этой причине Эпикур расценивает Богов как некие образования из лёгких сферических огненных атомов, витающие в пространстве между мирами. Человек может поклоняться Богам – но не ради достижения какой-то практической цели, а только для получения эстетического удовлетворения.

Итоги. Эпикур создаёт довольно своеобразное учение: полностью вторичное (на фоне атомизма Демокрита) в вопросах метафизики, но крайне оригинальное в областях логики и этики. Учения об индукции у Аристотеля вообще нет, а никакой другой логики на тот момент просто не существовало; Эпикур и его последователи отмечают основные черты индуктивного процесса, предвосхищая философа Нового времени Френсиса Бэкона (см. 4.2.1). Более того, именно эпикурейцы первыми говорят об эмпиризме – направлении, ставшем одним из ключевых в новоевропейской философии (см. 4.2). Наконец, эпикурейцы создают достаточно разумную этику, которая, впрочем, полностью противоречит духу Римской империи, воспитывающему в гражданине образ мужественного и стойкого воина, а не гонца (пусть и разумного) за удовольствиями. Да и сама жизнь, сводящаяся к бесконечному блаженству, мало подходит для человека, занимающегося физическим трудом, а не отвлечёнными философскими размышлениями. Так что этика эпикурейцев никак не могла стать общепризнанной и, естественно, таковой не стала; более того, у Эпикура были большие проблемы во взаимоотношениях с гражданами Афин – их совершенно не устраивало восприятие философом Бога. В конечном счете, это учение осталось почти незамеченным в Античности, но получило определённое продолжение много лет спустя, когда мыслители Возрождения «подняли на щит» как принцип гедонизма, так и эстетическое (а не религиозное) восприятие Бога (см. 3.4.2).

Особенности позиции Киселёва. Эпикур сотоварищи получают «по полной программе» за свой атомизм; при этом этика характеризуется как принцип гедонизма без «поправки» на разумное восприятие желаний, а о логике вообще не говорится ни слова. Ну а с атомизмом всё уже понятно – несчастная кошка мучается в очередной раз (см. соответствующую часть в 2.2.6):-)))

2.4.3. Стоицизм.

История. Основоположителем идей стоицизма был Зенон из Китиона (333 – 262 до н. э.) – купец, разорившийся из-за кораблекрушения и поселившийся в Афинах. Зенон учился у киника Кратеса, а затем мыслителей Академии Стилпона и Ксенократа. Около 300 года он основал школу, находившуюся в *Расписной Стое*, – портике, украшенной фресками. Название *Стоя* произошло от группы поэтов «стоиков», собиравшихся в этом месте; Зенон и его школа просто унаследовали это имя. Основными последователями Зенона стали Клеанф (330 – 232 до н. э.) – кулачный боец, ставший мыслителем и Хрисипп (около 280 – около 205 до н. э.) – бывший атлет. Именно с именем Хрисиппа связано развитие логики стоиков. Эти трое мыслителей, а также их ученики относятся к Древней Стое – собственно стоицизму. В середине II века до н. э. стоицизм перемещается в Рим, где учение существенно трансформируется, превращаясь в эклектику (см. 2.4.5).

Стоики первыми использовали название «*логика*», а также, вслед за Аристотелем, разбивали философию на физику, логику и этику. Они отождествляли философию с яйцом, где

желток – этика, белок – физика, а скорлупа – логика. При этом физика стоиков строится на основе системы логических категорий, поэтому рассмотрение их концепции удобнее начать с логики.

Логика. Основа логики стоиков – слово. Сама логика подразделяется на две части – диалектику, изучающую правила связного изложения, и риторику, изучающую правила беседы (обе дисциплины относятся к логике, так как мысль и слово, по мнению стоиков, неразрывно связаны). Диалектика состоит из собственно логики (науки о мысли) и грамматики (науки о слове). Таким образом, слово, мысль и объект неразрывно связаны и могут быть названы иначе: *обозначаемое* (объект), *обозначающее* (слово) и *предмет* (мысль). Стоики также вводят понятие «лектон» – словесно неоформленное содержание; «лектон» не имеет смысла без словесного оформления, но и слово бессмысленно без «лектона», своего «наполнителя». Таким хитрым и, можно даже сказать, мудрёным путём стоики закладывают основы *теории значений*, серьёзно развившейся гораздо позднее, – уже в современной философии (см., например, 5.3.4).

Обращаясь к вопросам познания, стоики утверждают, что всякое знание происходит из ощущений; ощущения постепенно накапливаются и, с помощью ассоциаций, обобщаются в понятия. Так что об индукции речь здесь вообще не идёт; всё мыслимое мыслится либо *случайно*, либо *по сходству*, либо *по соединению*, либо *по противоположности*. Случайным образом мыслится чувственное, по сходству мыслятся наличные предметы (Сократ по своему изображению), по соединению – то, что является результатом соединения наличных предметов (кентавр по человеку и лошади), по противоположности – всё остальное (жизнь – смерть). Итак, понятие – результат переработки ощущений. Такая «переработка» может происходить на основе различных данных: фантазии (непосредственного впечатления от предмета), фантастона (образа предмета, не связанного с ним непосредственно), фантастикона (пустого призрака, рождаемого воображением) и фантазмы (призрачного представления, возникающего при безумии или исступлении). Таким образом, стоики признают ведущую роль мыслительного акта в процессе познания и впервые пытаются разобраться в деталях этого акта, приводя, для начала, классификацию его возможных путей и средств. И, несмотря на всю наивность и поверхностность рассмотрения, эта идея выглядит очень разумно на фоне непрактичной, но довольно неглубокой логики эпикурейцев (см. 2.4.2).

Однако этим рассмотрением стоики не ограничиваются: они также говорят о существовании некоторых предвосхищений – общеупотребимых понятий, являющихся результатом обобщений некоторых первичных восприятий, предшествующих философскому познанию. Из самого факта наличия таких предвосхищений следует, по мнению стоиков, существование: например, поскольку все люди считают, что существуют боги, то боги действительно существуют. Стоики также используют введённое Аристотелем (см. 2.3.5) понятие «категории», выделяя четыре основные; это *субстанция* (логический субъект, грамматическое подлежащее, онтологическая сущность), *качество субстанции* (логическая и грамматическая предикаты, онтологически – свойство предмета), *собственное качество субстанции* и *отношение субстанции к своему собственному качеству*. Собственное качество – качество, характерное для субстанции в применении к конкретному объекту рассмотрения; собственное качество субстанции характерно для всех объектов с той же онтологической сущностью, но не наоборот. Это фундаментальное правило выполняется, по мнению стоиков, как на грамматическом и логическом, так и на онтологическом уровне.

Физика. По мнению стоиков, существуют только тела, а пустота – бестелесное – есть небытие. Всякий предмет имеет субстанцию, онтологическую сущность – либо «первую материю», либо материю в виде каких-то других, более простых тел. Тела определяются через свои качества, то есть устойчивые свойства. В мире присутствуют два начала – пассивное, бескачественное (материя) и движущее, разумное (логос); здесь стоики, по сути, повторяют учение Аристотеля о материи и форме (см. 2.3.5, Причинности). Основа обоих начал – Бог, подобный вечно движущемуся огню; он есть и «первая материя», и движущее начало. Разви-

тие мира строго детерминировано, ничто не происходит без причины; это развитие также периодически – исчерпав возможности своего развития, мир сгорает в мировом пожаре, а затем вновь возникает из огня. Душа человека – материальная субстанция, отделяющаяся от тела после смерти; Клеанф считал, что все души остаются жить до уничтожения мира в мировом пожаре, Хрисипп полагал, что без тела могут жить только души мудрецов. И лишь душа целого, душа Бога вечна, неподвластна мировому пожару.

Отдельное место в физике стоиков посвящено Богу: его существование следует из согласия мнения всех людей. Клеанф приводит и другое доказательство: «Если одна природа лучше другой, то существует и некоторая наилучшая... Следовательно, Бог существует». Также приводится теодицея – «оправдание» Бога за господствующее на земле зло: задача Бога – не допускать абсолютного зла, а зло относительное – лишь результат свободного действия человека, находящийся в гармонии с добром.

Этика. Этические принципы стоиков основаны на идее о необходимости жить в соответствии с природой, однако в природе все жёстко детерминировано, поэтому единственное, что может сделать человек – в любой ситуации сохранять спокойствие духа. Весь мир театр и все мы в нём – актёры; а наша задача – хорошо сыграть свою роль. Мудрость состоит в способности быть свободным от аффектов (скорби, страха, вожделения, наслаждения, радости, осторожности). Стоики выделяют добродетели (благоразумие, умеренность, справедливость, мужество) и пороки (неразумие, необузданность, несправедливость, трусость). Это те качества, которые не предопределены заранее, но связаны с поведением человека. Однако между добродетелью и пороком нет середины: одни люди рождаются мудрецами, склонными к добродетели; другие же склонны к пороку. Самосовершенствование возможно, однако оно не позволяет перейти черту между добродетелью и пороком. Между тем, стоики не конкретизируют такое разделение людей: в способности освободиться от аффектов они не признают различий между мужчинами и женщинами, рабами и свободными. Разделение людей на добродетельных и порочных лишь показывает, что освобождение от аффектов, отрешение от земных благ доступно далеко не всем. По сути дела, стоицизм формулирует основной этический принцип христианства, но не признаёт пока возможности «всеобщего» спасения человечества.

Итоги. Стоицизм, фактически, оказывается плавным развитием учения Аристотеля; физика строится на всё той же базе концепции материи и формы, но уже возникают проблемы, о которых говорилось в 2.3.5, Итоги: первое доказательство существования Бога через невозможность существования бесконечности появляется за тысячу лет до первых схоластов. Точно то же самое наблюдается в логике – столь «популярные» в схоластике категории, определяемые через грамматическую роль отдельных членов предложения, также впервые появились у стоиков. Но появилось и большее – первые попытки рассмотрения мыслительного акта; то, чего схоласты так и не сделали, да и философам Нового времени потребовалось некоторое время для обращения к этой проблематике. Так что всё это существовало – ещё в начале III века до н. э.; правда, зачатки глубоких философских исследований довольно быстро заглохли и стоицизм свёлся к этическому учению – крайне популярному в Греции и, особенно, в Риме. Идеал стоиков действительно как нельзя лучше соответствовал духу римского гражданина, так что концепция попала на благодатную почву и «расцвела пышным цветом», создав основу учения о смирении – центрального места христианской этики.

Особенности позиции Киселёва. Здесь, как и в случае с эпикурейцами, основное внимание уделяется этике; и это неслучайно – ведь окончательный «приговор» таков: эллинистический период – жалкий отблеск лучшего в Античной философии – концепций Платона и Аристотеля, поскольку и эпикурейцы, и стоики лишь использовали созданное ранее для обоснования этических концепций вместо того, чтобы продвинуть вперёд главное – метафизику. И подобное суждение кажется вполне разумным, если, конечно, не знать о логике, ведь именно с этой областью философского знания связаны основные достижения эпикурейцев и стоиков – здесь они сделали то, что Аристотелю и не «снилось». Физика, действительно, в

основном вторична, или же, как у стоиков, заимствована – с попаданием на пресловутые «грабли» проблемы Бога и бесконечности. Ну а отсюда и вся этика. Вероятно, эпикуреизм и стоицизм – действительно «поворот» к упадку античной философии, но ни в коем случае не начало самого упадка.

2.4.4. Скептицизм.

Общие замечания. Скептицизм – течение в философии, отрицающее возможность существования объективного знания. Название происходит от греческого слова *skeptikos* – ищущий, исследующий, рассматривающий. Таким образом, источник скептицизма – стремление к познанию и исследованию, направленное против всякого догматизма (учений, раз и навсегда утверждающих истинные знания). По сути дела, скепсис, сомнение в ранее найденных знаниях входит в состав любого учения, так как для введения чего-то нового необходимо для начала опровергнуть старое; однако характерной чертой скептицизма стала «остановка» на позициях отсутствия объективного знания. Скептики не создавали нового объективного знания, а, полагая мир непознаваемым, вырабатывали на этой основе некоторые этические принципы. Поэтому упоминавшийся ранее Кратил (см 2.2.4, Особенности позиции Киселёва) не был скептиком; Горгий (см. 2.3.1) приблизился к скептицизму, но и он увлекался риторикой – навязыванием людям своей точки зрения в качестве некоей догмы. А скептики никому свою точку зрения не навязывали, порой даже не излагали её на бумаге; так что начало античного скептицизма связывают с именем Пиррона и выделяют три периода развития этого течения: *пирронизм, Вторая и Третья Академии, поздний пирронизм.*

Пирронизм. Пиррон (360 – 270 до н. э.) родился в Элиде; сначала был посредственным живописцем, а затем увлёкся философией и учился (вначале у мегарика, затем у демокритовца). Участвовал в азиатских походах Александра Македонского, где познакомился с индийскими аскетами и, вероятно, именно у них заимствовал учение о непостижимости сущего и невозмутимой жизни. Вернувшись в Грецию, не писал книг, поэтому о его концепции известно лишь по книгам ученика – Тимона. Основные положения учения Пиррона могут быть сформулированы в виде ответов на три вопроса: 1) *Каковы вещи по природе?* – одинаковы, неразличимы и непостоянны; 2) *Как к ним относиться?* – никак, следует воздерживаться от любых суждений, поскольку истина недостижима; 3) *Как надо себя вести?* – не обращать ни на что внимания, сохраняя невозмутимость и непоколебимость. Для Пиррона воздержание от суждений – средство достижения цели, то есть отрешённости и невозмутимости. Философ фактически проповедовал тотальную невозмутимость, ныне называемую «пофигизмом» – по некоторым свидетельствам, на корабле во время бури все впали в уныние, а Пиррон продолжал вести обычную жизнь, не обращая внимания на стихию. Ясно, впрочем, что такое учение вряд ли могло стать широко распространённым, да и власти Рима вряд ли допустили бы превращения государства в империю циников.

Вторая и Третья Академии. Вторым период скептицизма связан с платоновской Академией. Аркесилай (315 – 240 до н. э.) пришёл к скептицизму в ходе полемики со стоиками; он критиковал их идею о формировании понятий при согласии ощущений субъектом, считая чувственное познание относительным. Таким образом, согласие не ведёт к истине, а, значит, истина не достижима; по этой причине следует воздерживаться от суждений – такова цель Аркесилая. Невозмутимость – лишь средство достижения этой цели, и здесь принципиальное отличие от Пиррона: во главу угла ставится воздержание от суждений, а не невозмутимость. Соответственно, этика Аркесилая основана не на отрешённости и «пофигизме», а понятии благоразумия. Следует совершать лишь благоразумные поступки, а критерием благоразумности должна выступать успешность поступка.

Продолжателем традиций скептицизма в Третьей Академии был Карнеад (214 – 129 до н. э.); Карнеад вслед за Аркесилаем критиковал стоиков и их учение о познании. Он отрицал возможность истинного знания, однако предпочитал воздерживаться не от любого суждения, а лишь от утверждения абсолютной истины, догмы. Соответственно, Карнеад считал воз-

возможным высказываться о своём восприятии вещей, поскольку это восприятие вероятно. Мыслитель различает три степени вероятности: *просто вероятные* восприятия, *вероятные и проверенные*, *вероятные и надёжно проверенные*. Например, если человек, войдя в комнату, увидит подвешенную к потолку верёвку, то его первое восприятие висящего предмета как верёвки будет вероятным; второе – после близкого осмотра верёвки – проверенным, а третье – после проверки состояния самого человека (не спит, нормально ли видит) – надёжно проверенным. Кроме этого, философ критикует учение стоиков о Боге: по мнению Карнеада, все доказательства существования Бога могут быть разделены на четыре группы – *согласие всех людей* (но есть племена, не верящие в Бога; к тому же, из того, что кто-то во что-то верит, не следует, что это нечто существует), *мировой порядок* (но тогда божественны любые повторяющиеся процессы, например, малярия), *бессмысленность отрицания божественного* (но утверждение абсолютной истины также бессмысленно) и *уничтожение аргументов против Бога* (можно с тем же успехом уничтожать аргументы в пользу существования Бога). Поэтому Карнеад полагает суждение о существовании Бога, как и любое другое суждение, лишь вероятным.

Впрочем, необходимо отметить, что вся критика стоиков скептиками не стоит и «выеденного яйца»; кажется, ребята просто не «просекли фишку». Стоики пытаются опереться на ощущения только потому, что больше опираться им не на что; но они прекрасно отдают себе отчёт в том, что никакое ощущение не может быть объективным. Поэтому они идут по логичному пути: пытаются понять, как же ощущение зависит от человека, как выделить объективную составляющую ощущения. Ясно, что далеко они по этому пути не ушли, но чего, в конце концов, требовать от Античной философии и событий более чем двухтысячелетней давности.

Позднейший пирронизм. Это течение скептицизма возникло в Риме в I веке до н. э.; основным представителем считают Энесидема, систематизировавшего систему доказательств скептиков. Он сформулировал десять тропов против чувственности и разума. Они основаны на *разнообразии живых существ* (все живые существа воспринимают окружающее по-разному: для человека морская вода неблагоприятна, для рыбы необходима), *на разнице между людьми* (все люди воспринимают окружающее по-разному – ведь создан ряд противоречащих друг другу догматических учений), *на различном устройстве органов чувств* (мёд приятен на вкус, но неприятен на вид), *на окружающих условиях* (восприятие человека различно, когда он сыт или голоден), *на положении на местности* (восприятие зависит от расстояния до объекта), *на примесях* (объект воспринимается по-разному, находясь в воде или воздухе), *на величине и структуре тел* (кусочек серебра – белый, а стружки – чёрные), *на том, относительно чего существуют вещи* (предмет существует только по отношению к воспринимающему субъекту), *на постоянной или редкой встречаемости* (редко наблюдаемая комета поражает значительно сильнее, нежели Солнце), *на разных обычаях и законах*.

Продолжатель Энесидема – Агриппа – формулирует ещё пять тропов; а более поздний скептик – Секст Эмпирик – в своей работе «Против учёных» обобщает и пересказывает работы римских скептиков. Он сближается с так называемыми *медиками-эмпириками* – врачами, утверждавшими, что следует не искать внутреннюю причину болезни, а ориентироваться лишь на симптомы. Секст считает, что жить следует в соответствии с природой и правилами человеческого общежития (есть, если хочется есть; воспринимать то или иное за добродетель, если так принято), но руководствоваться при этом здравым смыслом.

Итоги. Таким образом, история античного скептицизма хорошо укладывается в известное высказывание «чем дальше в лес, тем больше дров». Всё началось с Пиррона, которому, судя по всему, просто хотелось как-то обосновать собственный цинизм – при этом он не слишком «заморачивался» над разумной системой доказательств. Деятели Академии понравилось критиковать всех и вся, поэтому они, уже безо всякого цинизма, начали «поливать» окружающих философов – в первую очередь, стоиков. Римлянам это дело тоже понравилось, так что Энесидем уже развернулся «на полную катушку», ну а Секст Эмпирик «вы-

лез» на внимании к древностям: пересказал старое и, глядишь, тоже в историю попал. При этом этическая сторона все концепций скептиков, мягко говоря, не вызывает доверия, поскольку взята, грубо говоря, с потолка; причём если у Аркесилая всё хотя бы просто и понятно, то Секст уже просто «наводит тень на плетень», призывая руководствоваться здравым смыслом (было бы крайне странно, если он заявил обратное:-)). Всё это вместе действительно наводит на мысли об упадке Античной философии.

Особенности позиции Киселёва. Киселёв всё время повторяет, что скептицизм это, конечно, не абсолютное зло, поскольку очень помогает от догматизма; но главное не увлекаться. Короче говоря, по 2 две таблетки в день после еды – и ни миллиграммом больше:-))) Впрочем, Киселёв не «опускается» до изложения сути концепций скептиков, упоминая лишь о тропах; основным аргументом является вот что: скептики утверждают, что все философские концепции неверны потому, что они противоречивы. Но тогда и сам скептицизм как философская концепция неверен; противоречие, блин... На самом деле, аргумент более чем спорный и имеет смысл только после совершенно определённого введения понятия «философия»; ну а теоретически сформулированное мировоззрение (см. 1.1) совсем не обязательно должно быть объективным знанием. Так что лучше бы рассказал подробнее обо всём маразме от Пиррона до Секста Эмпирика; звучало бы убедительнее.

2.4.5. Эклектика.

Общие замечания. В начале I века до н. э., с расцветом Римской империи в философии начинается явный упадок: последние самобытные учения – эпикуреизм и стоицизм – появились двумя веками раньше и теперь лишь дорабатываются; другая идея – скептицизм, отказ от поиска объективного знания – развивается несколько более активно, но тоже не нова, да и, к тому же, не слишком привлекательна. Кажется, уже нет подходящих условий для создания чего-то нового: дух свободной Греции безвозвратно утерян, а имперский дух Рима способствует лишь монументальному строительству и развитию естественных наук. Тем, кто всё же хочет в таких условиях заниматься философией, остаётся одно – совместить лучшее из старых учений в попытках хоть чуть-чуть продвинуться в познании мира. Так и возникла эклектика. Совместить получилось, однако с продвижением вперёд возникли явные проблемы – философы периода эклектики просто «поработали» на Римскую мораль; другие части их учений либо полностью вторичны, либо просто смешны.

В принципе, вся Римская философия начала I века до н. э. – середины III века н. э. относится к эклектике и для того, чтобы аккуратно разобраться во всех её течениях, нужно довольно много времени; однако подробный разбор вряд ли необходим. Следует лишь иметь в виду, что в этот период из «глубин» античной философии всплыло всё, что только могло – возникают неопифагоризм, неокинизм и большая куча других «нео»-учений. Мы остановимся только на различных направлениях в стоицизме (Средняя и Поздняя Стои), развитии скептицизма в Четвёртой Академии, а также Филоне Александрийском – создателе первого религиозного философского учения.

Средняя Стоя. Стоицизм, как самое «популярное» в Древнем Риме учение, первым начал «прирастать» элементами других философских концепций; и началось всё с платонизма, традиции которого неплохо сохранились, поскольку они также были довольно близки Риму по духу; по крайней мере, не отрицали Бога вслед за Эпикуром (см. 2.4.2) и Демокритом (см. 2.2.6). Так возникает философия Средней Стои: логика уходит на задний план; зато дальнейшее развитие получает этика – признаётся не только разделение людей на добродетельных и порочных, но и различие всех людей по физическим и душевным возможностям. Задача каждого человека – жить в соответствии как с общей моралью, так и со своими индивидуальными особенностями. Мир теперь не проходит через периодическое уничтожение в огне, но вечен и неизменен. Ситуация вполне типична: надо оправдать рабство – скажем, что все люди различаются по своим возможностям; надо «сделать» жизнь избранных вечной – отменим «очищение» мира в огне; аргументы уже не нужны:-(((

Поздняя Стоя. Позднее стоицизм начинает вбирать в себя черты и других философских концепций; в частности, аристотелизма. Сенека (6 – 65 н. э.) выделяет две составляющие любого предмета: материю и причину создания, отрицая необходимость наличия формы, идеи предмета. Верховная причина возникновения предмета – божественное. Человек вынужден подчиняться судьбе – божественной причине всех вещей, поэтому условие нравственного поведения – невозмутимость духа. Помимо судьбы Сенека вводит понятие совести, замечая, что, совершив порочный поступок, человек будет до смерти мучиться угрызениями совести. Кроме этого, философ окончательно разделяет тело и дух: дух свободен и ограничен лишь Богом, а тело может принадлежать другому человеку; поэтому рабство – рабство тела, но не духа. Таким образом, каждый человек способен к совершенствованию духа, а состояние тела при жизни не влияет на судьбу духа после смерти.

У Эпиктета (50 – 138 н. э.) разделение философии на логику, физику и этику становится чисто формальным. Всё учение Эпиктета – этика; физика лишь утверждает, что всё в мире состоит из единственной, божественной субстанции, а логика постулирует два способа познания: веру и благоговение. Таким образом, философия утверждает высшую власть Бога и необходимость смириться с существующим устройством мира. Эпиктет утверждает: Бог дал человеку волю для того, чтобы мы могли во имя счастья осуществлять выбор независимо от внешних обстоятельств. Но такой выбор – свобода терпеть и воздерживаться, ничего серьёзного человек изменить не может. В частности, человек не может бороться со злом, а должен лишь бороться со злом в себе; так возникает учение о непротивлении злу. Впрочем, «умельцы» из Палестины создали его почти на сто лет раньше...

Четвёртая Академия. Филон из Лариссы (150 – 79 до н. э.) утверждал, что вещи непостижимы (ведь согласие, используемое при формировании понятия в стоицизме, относительно – в который раз, блин...:-)), но можно познать природу вещей с помощью восприятия. Впрочем, Филон критикует и скептицизм, замечая, что существуют очевидные знания, а потому истинные знания также возможны. Традицию продолжает Антиох (? – 68 до н. э.), отмечающий невозможность успешной человеческой деятельности в отсутствие истинных знаний. В физике Антиох повторяет концепцию Аристотеля о сочетании материи и формы активного и пассивного начал. Неясно, правда, что же эти ребята предлагали взамен критикуемых учений...

Ещё одним мыслителем, близким к Академии, был Марк Туллий Цицерон (106 – 43 до н. э.); он утверждал, что основными этическими принципами должны быть добродетель и соблюдение обязанностей. Закон – это заложенный в природе естественный разум, а Римская империя – идеальное и единственно возможное государственное устройство, сочетающее лучшие черты монархии, аристократии и демократии. В физике Цицерон совмещает идеи Платона, пифагорейцев, Аристотеля и стоиков, образуя причудливое сочетание, обосновывающее существование Бога.

Филон Александрийский. Греки имели много связей с евреями Иудеи: с одной стороны, в III – II веках до н. э. был переведён на греческий Ветхий Завет; с другой стороны, этическое учение стоиков проникло в Иудею и составило идейную основу христианства. Независимо от христианства идеи иудаизма и греческой философии соединил Филон Александрийский (20 до н. э. – 40 н. э.): он считал, что единственное сущее есть Бог; воспринять Бога чувственно или умозрительно нельзя, это сверхчувственное образование, познаваемое исключительно через Слово – божественное откровение. Уже здесь возникает противоречие с греческой философией, где божественное всегда познавалось разумом; Филон находит выход, используя второе значение слова «логос». По его мнению, логос следует понимать не как закон, внутренняя связь, а в значении «Слово». По сути дела, философ прибегает к уловке – в греческой философии логос понимался исключительно в первом значении; здесь же начинается игра слов. Позднее схожая игра слов составила предмет деятельности многих мыслителей: те места Библии, что были однозначны на иврите, получили двусмысленное содержание

при переводе на греческий, открыв широкое поле для различных ухищрений и интерпретаций.

Филон считал, что Бог сотворил физический мир; однако для создания этого мира требовался образец – духовный мир, некий аналог мира идей Платона. Так реализуется концепция мирового устройства Платона с тем лишь отличием, что Бог творит и идеи, и материю. Человек подобен Богу, потому что Бог – высший разум, а человек способен мыслить; так реализуется идея стоиков о том, что в каждом человеке есть частица божественного разума – душа. Короче говоря, ещё немного – и мы получим неоплатонизм (см. 2.4.6).

Итоги. Период эклектики наглядно продемонстрировал упадок античной философии – полную неспособность создать новое и, даже, неспособность, грамотно развить старое. Если поздние стоики ещё выдвигают более или менее разумные этически принципы, то деятели Четвёртой Академии творят нечто непонятное, а Филон Александрийский занимается неприкрытыми махинациями с содержанием философских концепций. Впрочем, это уже не слишком важно – новая религия завоёвывает умы всё большего числа людей; «умельцы» из Палестины действительно вовремя подсутились. Христианство способствует развитию новой, религиозной философии, которая, на первых порах, не очень-то и похожа на философию (см. 3.2.2). Ну а все остальные постепенно остаются не у дел; попытки Филона Александрийского создать рациональный аналог христианства на основе платонизма продолжают ещё 500 лет (см. 2.4.6), но всё уже тщетно: на дворе новая эпоха, «тёмные века», набеги варваров; дух Античности, дух Греции почти утерян, утерян безвозвратно.

Особенности позиции Киселёва. Здесь Киселёв не говорит ничего особенно интересного; его оценка эклектики, естественно, – отрицательная, да и вряд ли кто-нибудь сомневается в том, что это – упадок. Киселёв использует даже более жестокое слово – разложение; при этом он не останавливается на конкретных учениях, а говорит лишь об общем факте возрождения и слияния различных философских концепций.

2.4.6. Неоплатонизм.

Общие замечания. Неоплатонизм – эклектика, созданная в Древнем Риме на основе платонизма; это последняя римская эклектика – самая мистичное и самое религиозное из античных учений. Вообще говоря, схожие идеи высказывал ещё Филон Александрийский (см. 2.4.5, Филон Александрийский), но лишь двести лет спустя была окончательно проработана этическая часть нового учения, а также неожиданно вновь возник интерес к логике – последний всплеск античной культуры задал новые темы для философии средневековой.

Зарождение неоплатонизма. Основателем неоплатонизма считают Аммония из Александрии (умер около 242 г.); он происходил из христианской семьи, но затем обратился в язычество. Аммоний ничего не писал, но именно ему приписывают основные идеи неоплатонизма. Первым эти идеи изложил Плотин (204 – 270) – ученик Аммония. Плотин участвовал в персидском походе императора Гордиана, в 244 году вернулся в Рим и основал там философскую школу; излагал свои учения устно, а затем начал записывать, не давая книгам названий. Позднее ученик Плотина Порфирий разделил сочинения учителя на шесть «девяток», откуда пошло название «Эннеады» (эннеада, по-гречески, девять).

Основа философии Плотина – Единое; это первосущее – нечто, лишённое всех качеств и непостижимое ни чувствами, ни мышлением. Единое это и всё, и одновременно ничто, поскольку всё ещё должно родиться из Единого; оно «переполнено» совершенством, поэтому происходит *эманация* (излияние) Единого в Ум. Ум (единое–многое) – аналог платоновского мира идей, это подлинное бытие; Ум постоянно находится в созерцании Единого, а потому он совершенен; совершенное не может оставаться бесплодным, и Ум рождает Душу (единое и многое). Душа, в свою очередь, разделяется на две части: *Небесная Душа* созерцает Ум и Единое (это аналог платоновской сферы звёзд), а *Земная Душа* вселяется во всё живое, преобразуя бесформенную материю. Таким образом, реализуется процесс спуска, «расчленения» Единого в индивидуальные предметы.

Процесс познания возможен, благодаря наличию у каждого человека души, связанной с Небесной Душой, Умом и, наконец, Благом; поэтому познание – результат взгляда души человека на Единое. Единое – Благо, душа человека внутренне стремится к Благому, поэтому способ достижения Блага – подъём, отрешение сначала от тела (переход к Небесной Душе и Уму), а затем и от разума, ведь конечная цель – слияние с Единым в *экстазе*, а Единое выше разума. Таким образом, идеал неоплатонизма состоит в отрешении от разума. Плотин считал, что для слияния с Единым необходимы некие мистические приёмы; по свидетельствам учеников, сам он четырежды достигал состояния экстаза. Впрочем, отрешение от разума – это уже прямой путь в сумасшедший дом.:-)))

Римская школа неоплатонизма. Продолжателем «дела» Плотина в Риме стал его ученик Порфирий (232 – 304). Порфирий, в отличие от учителя, комментировал не только диалоги Платона, но и «Категории» Аристотеля, ставя вопрос об универсалиях, ставший предметом многочисленных споров в Средние Века и Новое Время: существуют ли реально (или лишь в наших мыслях) категории как наиболее универсальные понятия? Сам мыслитель не даёт ответа; он лишь разъясняет логику Аристотеля. В частности, именно Порфирию принадлежат определения *рода* и *вида*. Вид – то, что относится к конкретным индивидам; род – то, что относится как к индивидам, так и к видам. Формируется так называемое «дерево Порфирия»: всё сущее разделяется на телесное и бестелесное; телесное – на живое и неживое; живое – на чувственное и бесчувственное; чувственное – на разумное и неразумное. В области этики Порфирий подвергает критике Новый Завет, находя противоречия в христианском учении. Вместо христианства он предлагал политеистическую религию на основе неоплатонизма, предполагающую поклонение множеству богов и демонов.

Сирийская школа неоплатонизма. Иная традиция неоплатонизма получила развитие в Сирии: Ямвлих (умер около 330 г.) из Халкиды разделяет Ум и Душу на три части, вводя дополнительную ступень между Умом и Единым, а также дополнительные божества на более низких уровнях. По сути дела, мыслитель лишь играет с числами, свято веря в особый смысл тройки и кратных ей чисел; здесь неоплатонизм странным образом соединился с пифагореизмом, приводя к полному и окончательному маразму.

Афинская школа неоплатонизма. Последним этапом развития неоплатонизма стала Афинская школа, возникшая в том момент, когда Рим уже грабили варвары, а античная культура доживала свои последние дни. Наибольшее значение имеют работы Прокла (410 – 485), который, вслед за Ямвлихом, делит Ум и Душу на триады, полученные части – вновь на триады, а затем на семёрки. Однако он создаёт и нечто большее, трактуя образование материи как взаимодействие элементов триады беспредельное – предел – «беспредельное и предел». Аналогично Ум – результат взаимодействия Единого, множественности и единства единого со многим. Прокл как бы внедряет в неоплатонизм диалектическую концепцию единства и борьбы противоположностей Гераклита (см. 2.2.4, Война и логос), однако и он ставит религию выше философии. Диалектическая концепция не получает развития, сводясь к установлению мирового цикла: пребывание (в Едином) – эманация – возвращение.

Учениками Прокла были Дамаский и Симпликий; они вели преподавание в Афинской школе неоплатонизма, но были неоригинальны, повторяя учение Прокла (тем не менее, их труды очень ценны из-за пересказов более ранних учений). В 529 году византийский император Юстиниан в рамках борьбы с христианской ересью издаёт указ о запрете любых еретических учений – в частности, философских школ. Семь последних преподавателей афинской школы (в их числе Симпликий и Дамаский) уезжают в Персию по приглашению царя Хосрова Нуширвана, увлекавшегося греческой культурой. Однако Персия не проявляет большого интереса к инородным учениям; в 533 году им приходится вернуться на родину: с сохранением личной свободы, но вечным запретом преподавания. Так заканчивается история античной философии.

Итоги. Итоги неутешительны; конечно, неоплатонизм становится одной из наиболее интересных античных эклектик, но и его история свидетельствует об упадке, причём о пол-

ном упадке. Нужно вспомнить о том, что основа философии – логос, невысказанный без абстракции; а процесс абстрагирования является деятельностью разума; таким образом, философия невозможна без разума; соответственно, философия, стремящаяся к отрешению от разума, – штука крайне странная; как и философия, ставящая веру выше разума. Впрочем, последняя проблема волновала всю средневековую философию, так что здесь неоплатонизм находился в русле общих тенденций. Вероятно, основная заслуга неоплатонизма заключается в сохранении и разъяснении трудов Аристотеля – возможно, именно это позволило поздней патристике (см. 3.2.4) обратиться к античной логике, дабы создать на её основе новое течение – схоластику (см. 3.3).

Особенности позиции Киселёва. Здесь делается основной упор на «неразумность», иррациональность всех концепций неоплатонизма; а если вера оказывается выше разума, то для Киселёва это красная тряпка и повод для получения клейма «Это не философия». Соответственно, неоплатонизм, по Киселёву, – не философия, что лишний раз подтверждает его концепцию об упадке античной философии после Аристотеля и общей слабости философии в Риме.